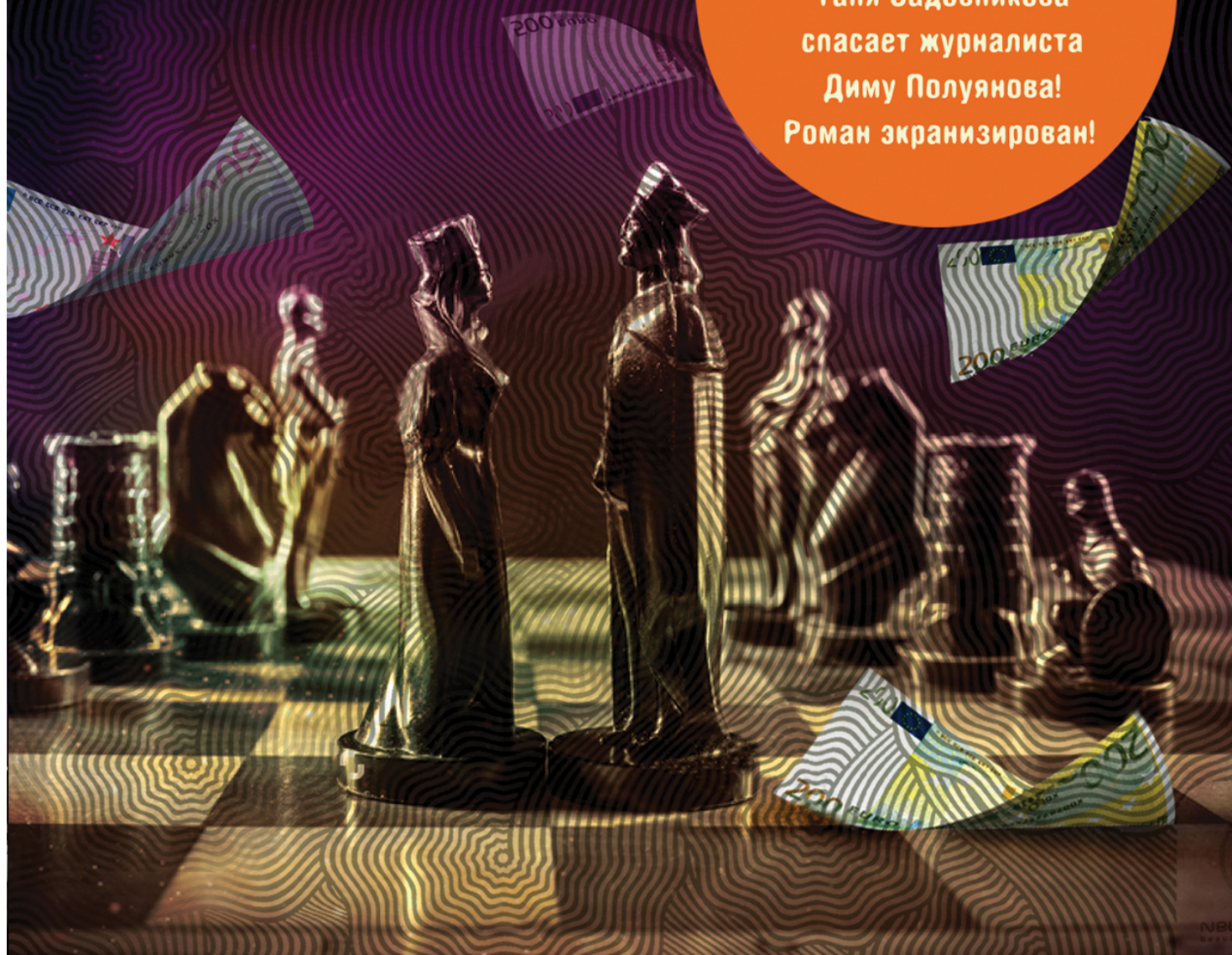

ПРОИГРАВШИЙ ПОЛУЧАЕТ ВСЕ

р о м а н

•
Два любимых героя
в одном романе!
Авантюристка
Таня Садовникова
спасает журналиста
Диму Полуянова!
Роман экранизирован!

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Авантюристка

Анна и Сергей Литвиновы
Проигравший получает все

«ЭКСМО»

2000

Литвиновы А.

Проигравший получает все / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2000 — (Авантюристка)

Когда-то они были друзьями – владелец первой в Москве дискотеки и хозяин первого в стране кооперативного кафе. Боб Барсинский стал одним из самых богатых и известных людей в России. А у Андрея Велихова жизнь не задалась. Во всех своих бедах Андрей винит бывшего друга. Он вынашивает мысли о мести, мечтая одним ударом и отплатить обидчику, и разбогатеть. К исполнению хитроумного плана Андрей привлекает свою возлюбленную. Оксана Берзарина умна, энергична и красива. Но она хочет большего, нежели стать пешкой в чужой игре...

Содержание

Глава 1	5
Москва	5
За две недели до описываемых событий.	7
Москва	21
ТАТЬЯНА	25
Глава 2	27
За год до описываемых событий.	27
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Анна и Сергей Литвиновы Проигравший получает все

Глава 1

Москва

2 августа, четверг, 10.35

ПАВЕЛ

В профессии частного детектива есть свои прелести. К примеру, возможность откинуться в кожаном кресле и забросить ноги на стол.

Попробовал бы я так развалиться, работая в прокуратуре!..

Я просматривал газету «Криминальная хроника». За минувшую неделю в Москве ровным счетом ничего занимательного не случилось. Да и что могло случиться – в августе, в тридцатиградусную жару, когда криминальные авторитеты и депутаты проводят отпуска в Европах, а их бойцы – в Сочах.

Было, правда, одно убийство в Орехове-Борисове: семнадцатилетнюю девчонку зарезали в постели любовника. Об этом я уже смотрел репортаж по телевизору. Ничего интересного, типичная бытовуха, подумал я тогда, помнится. И, как показали дальнейшие события, жестоко ошибся.

Московское утро уже дышало сквозь распахнутое окно предчувствием дневной жары. Римка, как всегда, опаздывала. Я снял ноги со стола. И очень вовремя, потому что в офис вошла посетительница. Сказать, что она была эффектна или привлекательна – означало ничего не сказать. У нее был такой вид, будто она только-только с великосветского приема. Нет, я не имею в виду ее одежду. Одежда-то как раз была вполне демократична. Джинсы, облегающая кофточка с длинными рукавами. Но вот ее походка, ее манеры... Она смотрелась так, словно вчера за полночь вернулась с приема у французского посланника, а утречком натянула джинсы и отправилась в народ. Ко мне то есть.

У меня в офисе бывали богатые молодые дамы, заказывали слежку за своими мужьями – новыми русскими. Те, невзирая на бриллианты и тряпки от «Шанель», выглядели, как внезапно разбогатевшие официантки.

Эта посетительница смотрелась, как графиня, попытавшаяся неумело замаскироваться под официанточку.

– Позвольте предложить вам кресло, – сказал я аристократически-выспренно вместо обычного «присаживайтесь». Она послушно присела на стул для посетителей.

– Кофе? – спросил я.

Молодая дама кивнула, тряхнув роскошными золотыми волосами. Она сняла темные очки – от «Живанши», как я заметил, причем не на турецком рынке купленные. Я смог рассмотреть ее.

На вид ей было лет двадцать пять. Глубокие голубые глаза, чуть вздернутый носик, полные чувственные губы. На пальцах, в которых она вертела очки, сверкнули бриллианты.

Но под глазами ее залегли тени. Взор был печален и тревожен. А на запястьях, выглядывавших из-под длинных рукавов кофточки, я в какое-то мгновение сумел определить следы от наручников... Да, я готов был поклясться, что она пришла ко мне не ради пропажи любимой болонки.

Кофеварка зафырчала на подоконнике в Римкином предбаннике и выцедила последние капли кофе. Я взял чашку и, сделав маневр, обошел стол, оказавшись лицом к лицу с посетительницей. Затем поставил чашку на стол и уселся на стул рядом с ней, так что наши колени почти соприкасались.

– Ну-с, – сказал я преувеличенно бодрым голосом (ни дать ни взять доктор-гинеколог), – что привело вас ко мне в столь ранний час?

– Мне порекомендовал обратиться к вам Валерий Петрович Ходасевич. – Тембр ее голоса звучал волнующе.

– О! Валерий Петрович! – воскликнул я.

Валерий Петрович вел у нас на юрфаке спецсеминар по виктимологии. Умный, начитанный, щегольски одетый толстяк. Помнится, я впечатлил его тогда рефератом об особенностях поведения жен, ставших жертвами семейного насилия. Толстяк даже пробормотал мне, по прочтении работы, что-то вроде: «Приемлемо». Это было в его устах высшей похвалой.

– Как он поживает? – любопытствовал я.

– Спасибо, хорошо, – сухо сказала она.

– А вы... вы кем ему доводитеесь?

– Я – его падчерица. Но это к делу не относится.

– Как прикажете вас величать?

– Татьяна. Татьяна Садовникова.

Я вытащил из бумажника и протянул ей визитную карточку.

У меня была крайне неподходящая фамилия для частного детектива. Синичкин. Хуже не придумаешь.

Я додумался выходить из положения просто. На визитных карточках в центре я писал большими буквами: ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ. Ниже – тоже крупно: ПАВЕЛ. Получался то ли псевдоним, то ли название фирмы. Или – и того лучше для моей работы – кличка.

В левом нижнем углу визиток было выведено мелким шрифтом: «Павел Синичкин, дипломированный юрист. Лицензия номер...»

Посетительница взяла визитку, поблагодарила кивком головы и мельком взглянула на карточку.

– Ну-с, чем могу быть вам полезен?

– Меня обвиняют в убийстве.

За две недели до описываемых событий. Франция, мыс Антиб ТАТЬЯНА

«Неужели такое бывает?» – в полудреме думала Таня. Ее как будто качало на теплой морской волне. Тихонько играл магнитофон – специальная расслабляющая кассета. В окно врвался легкий ветерок. С пляжа доносилась ленивая переключка чаек.

Таня блаженно растянулась на высоком массажном столе. Косметичка только что ловко подщипала ей брови и теперь летящими движениями втирала в кожу лица медовую маску.

«У вас идеальная кожа! Только... Только немного неухожена... Почему вы не следите за этим?» – спросила Мари при первой встрече.

Таня улыбнулась. Косметички, массаж, работа над внешностью... Еще недавно все это было просто недоступно.

Пока она училась – стипендии едва хватало на дискотеки по субботам и колготки раз в месяц. А потом, когда нашла работу, ей все равно было не до этих глупостей. Какие там косметички, если жить негде, а ездить приходится на метро?!

Кажется, всю – или почти всю – жизнь ей приходилось экономить. Отказывать себе в нарядах и развлечениях. И порой даже в еде.

Таня вспомнила свое любимое – и очень дешевое! – блюдо: разогретый в тостере черный хлеб, натертый солью и перцем, плюс «китайская лапша» по рублю за пакетик... Продукты она покупала в захудалом продуктовом магазинчике, а если заглядывала в супермаркет, то всегда перед тем, как подойти к кассе, подсчитывала сумму покупок на калькуляторе. Как-то ей не хватило денег, чтобы расплатиться за батон сырокопченой колбасы. Она чуть со стыда не сгорела, когда кассирша пробурчала под нос: «И чего сюда без денег ходить...»

Как все женщины, Таня частенько мечтала о нарядах от дорогих модельеров и о том, что она объедит весь мир... Но когда это еще будет? Если упорно трудиться – лет через сто! Иногда она останавливалась у витрин бутиков и «примеряла на себя» элегантные платья. Грустно смотрела на цену... И гордо говорила себе: у меня и в джинсах фигура что надо!

А два месяца назад все изменилось. Изменилось колоссально, шокирующе. Татьяна до сих пор никак не могла в это поверить.

Она неожиданно разбогатела. Разбогатела по-настоящему. Все произошло как в сентиментальном романе. Париж, бабулечка-графиня, миллионное наследство... Кто бы поверить мог в такие романтические сказки! Однако в Танином случае сказка стала былью. Она не только обрела во Франции многомиллионное наследство, но и встретила любимого человека...

Таня никак не могла привыкнуть к таким изменениям в своей жизни. Ей все казалось, что это просто весенний сон – когда под переключку только что прилетевших с зимовки птиц снится что-то приятное... А потом просыпаешься, понимаешь, что ты вовсе не миллионерша, – но все равно на душе легко. Потому что когда-нибудь ты обязательно разбогатеешь! В двадцать пять лет еще верится: по-иному быть не может!

Но сейчас *это* стало правдой.

Татьяна действительно была богата.

И к тому же – любима. У нее был Том.

Том недавно разменял «сороковник». Он уже имел у себя в Америке славу талантливого журналиста. Его очерки охотно публиковали «Нэшнл джиогрэфик» и «Смисониан», а это означало не только признание, но и хорошие деньги. Еще Том был сногшибательно остроумным и веселым собеседником. Таня обожала его забавные скетчи и непредсказуемые розыгрыши. А также то, что в нем напрочь отсутствовал свойственный американцам национальный снобизм.

Тане нравились его роскошные усы и молодое, тренированное тело. С ним было надежно и уютно. Если бы он не был так занят своей книгой...

Целыми днями Том сидел, закрывшись в своем кабинете. В ее распоряжении были лишь вечера, которые они проводили в дорогих ресторанах Ниццы, Монако или Монте-Карло. И конечно, им принадлежали ночи. Упоительные французские ночи. Полные то возвышенной нежности, то почти животной страсти.

Том относился к Таниному богатству без всякого пиетета. Он усмехался, когда она тщательно обсуждала с официантами в ресторанах дорогие вина. Улыбался в усы, когда с Татьяной заигрывали продавцы дорогих машин или бриллиантов. Но все ее «богатые развлечения» поощрял. Научил ее лихо ездить на лошади и играть в поло. Показал, как делать «полицейский разворот» на новеньком мощном «Пежо-406»-купе. Выслушивал ее восторженные описания теннисных матчей.

Пусть девочка будет при деле.

* * *

Татьяна долго привыкала к своему богатству.

Когда она входила в парадную гостиную виллы, которую они с Томом сняли на лето, то до сих пор колебалась, прежде чем сесть в роскошное гобеленовое кресло. Ей все казалось, что сейчас откуда-нибудь выскочит музейная старушка-хранительница и проскрипит: «Экспонат! Руками не трогать!» И ей придется поспешно вскакивать с мягкого сиденья и униженно извиняться...

Таня никак не могла поверить в то, что теперь она имеет полное право сидеть в раритетном кресле семнадцатого века.

А какие на вилле были потолки! Что там мечта советского человека – три пятьдесят с лепниной! Только на одном этаже их особняка можно было уместить – в высоту – пару-тройку типовых квартирок...

А по площади – целый подъезд.

Татьяна с наслаждением валялась на медвежьей шкуре у камина. Сама придумывала и смешивала экзотические коктейли – из таких напитков, о которых раньше не мечталось. Накупила груды компакт-дисков – у них на вилле стояла централизованная стереосистема, и классика здесь звучала просто божественно.

У нее появилась горничная, которая объяснила своей хозяйке, что грязное белье совсем не обязательно складывать в пакет и, тем более, самой замачивать – достаточно просто бросить его на пол. И постель убирать не нужно: «Извините, мадам, но у вас не очень хорошо получается расправлять покрывало».

Они наняли кухарку. Та запретила Татьяне даже входить на кухню: «Вы можете объяснить мне, как готовится этот *борсч*, в гостиной!»

Таня даже Тому пожаловалась: «Я хочу сама приготовить тебе обед!» Том засмеялся: «*Танешка*, так принято. В богатых домах кухарки всегда так себя ведут. Считается, что кухня – их вотчина. Привыкай!»

У Тани появились личные косметичка и массажистка, маникюрша и парикмахер. Наняла она также тренера по теннису. Категорически отказалась только от водителя – ей нравилось самой носиться на новеньком «Пежо» по узким горным дорогам и нарушать при этом все французские правила движения.

Она полностью обновила весь гардероб и вняла советам стилистов, утверждавших, что платья идут ей гораздо больше, чем джинсы. Каждый день заказывала кухарке какое-нибудь новое блюдо. Обнаружила, что ухаживать за собой – занятие приятное, но требующее чертовски много времени.

«Сейчас сделаем массаж, потом освежим личико жидким азотом», – щебетала по-французски косметичка.

Таня не слушала. Она просто наслаждалась. Тем, что расслабленно раскинулась на массажном столе. Тем, что кто-то работает над ее внешностью. И тем, что у нее хватит денег расплатиться – какую бы цену ни назвала Мари...

* * *

...»Халявный корт, я нашел халявный корт! – возбужденно говорил Игорь. – Серьезно, бесплатный!» Таня вспомнила, как они тогда в Москве часа полтора расчищали поле от камней и осушали импровизированной метлой лужи. Потом с трудом натягивали не подходящую по длине волейбольную сетку – а что делать, настоящая теннисная стоила в три раза дороже. Когда все было готово, даже играть не хотелось – так они устали.

Это было воспоминание из той, далекой и почти нереальной московской жизни.

В клубе «Ле солей франсэ» корты были в идеальном состоянии. Мальчишки-негрityта подстригали траву по два раза в день. Сетку каждое утро проверял менеджер – хорошо ли натянута и нет ли в ней дырок.

А вот играли тут неважно. Да, у членов клуба была поставлена техника. Ракетки они держали правильно. Подавали – как на картинке из пособия по теннису. Но не было в их игре куража, азарта... Они словно бы отбывали оздоровительную повинность: «*В моем органайзере выделено два часа на теннис...*»

Танин тренер, загорелый молодой француз, пришел в ужас от ее техники. И честно взялся переучивать. Он терпеливо показывал ей, как делать правильный замах и как набегать на мяч. Демонстрировал подачу. Обучал игре с лету... Таня терпела это занудство целую неделю. А потом быстро расставила все по своим местам: «Слушай, Филипп! Я буду платить тебе триста франков сверху. Но только за эти деньги ты будешь со мной *играть*. Играть в полную силу».

Филипп согласился. Теперь они занимались теоретически правильным теннисом всего полчаса, а потом играли на счет. И тренеру быстро пришлось признать, что Татьяна – со всей своей неправильной техникой – создает ему немало проблем. Иногда она доставала совершенно «глухие» мячи – не потому, что знала, как их брать, а просто из-за того, что ей ужасно хотелось выиграть.

После тренировки они частенько пили вместе кофе с минералкой, и Таня с интересом расспрашивала Филиппа о его детстве, родителях и увлечениях. Он охотно рассказывал. Ему нравилась клиентка из России. Судя по всему, богачка, но совсем не зазнается и не воротит нос от простого тренера.

Вот и сегодня Том застал их за оживленной беседой. Филипп изображал какого-то скучного богатого клиента – говорил басом и важно откашливался, а Таня весело хохотала.

Том остановился за зеленой изгородью и прислушался – хотя не понимал по-французски. Татьяне явно было хорошо. Она наслаждалась. Наслаждалась ярким летом, игрой в теннис и обществом молодого веселого тренера. Пожалуй, она совсем не будет рада, если он сейчас к ней подойдет.

Холодный ножичек будто слегка кольнул его в сердце: а вообще, нужен ли он Тане? Нужен ли ей – в свои сорок с хвостиком, со своей мечтой написать супербестселлер и привычками старого холостяка?

Таня казалась такой молодой и беззаботной с этим внезапно свалившимся на нее богатством... Он смотрел на юное беспечное лицо и понимал: Танечке скучно играть роль *примерной жены*. Скучно быть просто «при нем». Ей хочется своей, веселой жизни. Наполненной яркими событиями и волнующими приключениями.

Неужели Таня – эта милая русская барышня – ему совсем не пара?

Том облокотился на изгородь и задумался.

Нет, он не собирается так легко сдаваться. И отпускать Таню в бурное море новых знакомств и приключений. Ее просто надо развлечь. Если он предложит ей слетать домой, повидать маму, друзей – наверно, она обрадуется?

* * *

Таня прилетела в Москву из Парижа в понедельник, 2 августа, рейсом «Эр Франс» № 1944. В Шереметьево-2 ее встречали мама, Юлия Николаевна, и отчим, Валерий Петрович.

После двух месяцев, проведенных во Франции, она ощущала себя совсем чужестранкой. В аэропорту ее сразу же неприятно поразил тусклый свет. Он был совсем не таким ослепительным, избыточно ярким, как в Орли, в аэропорту имени Шарля де Голля, который она покинула всего четыре часа назад. Казалось, родному Отечеству есть что скрывать в этом тусклом свете. Есть чего стыдиться.

Тетенька в синем сатиновом фартуке мыла замызганный пол, совсем не обращая внимания на проходивших мимо пассажиров с парижского рейса.

Таня встала в очередь на паспортный контроль. Очереди к пограничникам стоят во всех аэропортах мира. Но везде они расслабленные, радостно оживленные – в предвкушении новой страны, занимательных впечатлений. В Москве очередь была насупленная, напряженная, словно в кабинет к дантисту. Может, эта напряженность происходила оттого, что женщины-пограничницы никому не улыбались и, уж конечно, не перебрасывались с пассажирами шуточками – как это заведено у парижан.

Подошла Танина очередь. Прапорщица взяла Татьянин «серпастый-молоткастый», хмуро взглянула на нее и сделала отметку о прибытии. На Таню произвели неприятное впечатление сверкнувшие во рту пограничницы золотые зубы и ее ломкие, тусклые волосы. «Бедные, бедные наши женщины! – подумала она. – Как вы испортили себе волосы болгарскими шампунями да армянской хной!» А второй мыслью было: «Какая же я все-таки счастливая! Как мне невиданно, феерически повезло!»

Потом она нестерпимо долго ждала багажа, а сердце ее рвалось из душного аэропорта на волю, на московские улицы – туда, где ее ждут мама, отчим, друзья и воспоминания.

И вот в толчее встречающих она наконец обняла маму, поцеловала в толстую щеку Валеру (от него, как всегда, пахло хорошим одеколоном) и поняла, что вернулась домой. И словно невидимый груз свалился с нее. Она почувствовала себя легко и свободно.

Потом они мчались в такси по Ленинградскому шоссе.

Москва надвигалась своими зданиями и толчеей машин, и чувство, что она наконец-то дома – усилилось. Сквозь открытые окна в салон врвался теплый воздух. Таня с наслаждением вдыхала его аромат. Нигде он не пахнул так, как в Москве.

Таня засмеялась, обнимая мать. Они сидели вдвоем на заднем сиденье. Валера устроился впереди – нигде, кроме как рядом с водителем, он в машине не помещался.

– Ну что, лягушка-путешественница, – спросила мама, – нравится дома?

– Ох, как нравится! – с чувством ответила Таня.

Они уже свернули с Садового кольца на шоссе Энтузиастов. Юлия Николаевна закашлялась – она не любила этот район, в котором нещадно дымили трубы заводов. А Таня блаженно повела носом: она, как ни странно, *скачала даже по этому дурацкому запаху*.

– Лучше роз пахнет! – искренне сказала она.

Родители засмеялись. А водитель такси обернулся и недоуменно взглянул на странную пассажирку.

* * *

Танина соседка из 29-й квартиры Зинаида Васильевна была патологически любопытной старухой. Собственного сына, многочисленных родственников и телевизора ей явно не хватало. Жизнь жильцов своего дома она, казалось, интересовалась больше, чем собственной. И даже знала по именам Таниных подруг и поклонников.

Когда она обставляла кухню, то специально поставила обеденный стол возле окна. Ей нравилось неспешно попивать чай и наблюдать за тем, что происходит во дворе. С третьего этажа все отлично видно – не то что раньше, когда они жили на семнадцатом. Двор у них был веселый и шумный. Хулиганили дети, кучковались мужички – в компании с дешевой водкой и с дешевыми же дамами сердца. В магазин по соседству подвозили продукты, а на книжный склад, который располагался в том же подъезде, – подозрительные тюки (явно не с книгами!).

Зинаида Васильевна любила наблюдать за кипучей дворовой жизнью, и ее чаепития частенько растягивались на часок-другой.

Но сегодня во дворе было тихо. Даже детей на роликах не было видно: все поразъехались на каникулы. Она машинально отметила, что в магазин завезли хлеб – надо бы купить, пока свежий. Нахмурилась – сосед со второго этажа опять моет свою машину прямо под окнами. Надо позвонить куда следует. Экологам. Или лучше в местное отделение. (Связываться лично с горячим мужчиной Арменом Зинаида Васильевна боялась.)

Она уже совсем собралась перебраться в комнату, к телевизору, когда под окном пискнули тормоза. Из «Волги» триумфально высадилась ее соседка Татьяна, в компании с мамашей и каким-то толстяком – его Зинаида Васильевна никогда не видела.

Надо же, прикатила-таки! В багажнике – две огромные сумки. Толстяк их еле приподнял, а Татьяна со смехом пыталась ему помочь.

Зинаида Васильевна не любила свою соседку. Она знала, что Татьяна свою квартиру *купила. Купила, представьте себе!* Заплатила за нее двадцать семь тысяч долларов! Сопля, а такими деньгами ворочает! Правда, как-то Татьяна сказала, что с долгами ей за тыщу лет не рассчитаться. Так она ей и поверила! Тем более что через год у этой девицы появилась машина. Какая-то заграничная машина – даже Армен рассматривал ее с огромным интересом и однажды лично подкачал колесо.

А сейчас про Татьяну ходили вообще какие-то несуразные слухи. Будто бы она получила огромное наследство – интересно, от кого, от этого жирного, что ли? Будто бы нашла себе американского жениха-миллионера. И укатила с ним куда-то на Багамы.

Татьяны давно уже не было видно, квартира стояла пустая. А тут явилась, нате вам! Вот ее Андрей расстроится! Он вроде уже забыл эту вертихвостку.

Андрею, сыну Зинаиды Васильевны, Таня нравилась. Он охотно бегал к ней занимать соль или молоко, и однажды они даже сходили вместе в кино. На том дело кончилось. На все вопросы матери Андрей односложно грубил: «Не про меня баба!»

Зинаида Васильевна быстро отошла от окна и бесшумно прокралась к входной двери. Может, услышит чего-нибудь, пока они будут открывать дверь?

* * *

Юлия Николаевна провела в Таниной квартире два дня перед приездом дочери. Тщательно вымыла окна, вытерла залежи пыли, пропылесосила ковры. Даже перестирала давно забытые Таней кофточки. Квартира светилась свежей летней чистотой. На столе сияли георгины. Холодильник был набит Таниной любимой редиской и копченой колбасой. В ванной охлаждался клюквенный морс.

Таня с наслаждением растянулась на своем любимом скрипучем диване. Она радостно и недоуменно сказала матери:

– Вроде и жестко, и узко – но как же хорошо!

В открытое окно ломилась Танина любимая березка («хорошо, что соседи с первого этажа ее не спилили, как грозились!»), со двора доносилось озабоченное воронье карканье («интересно, почему во Франции нет ворон?»).

– Неужели здесь лучше, чем на твоей роскошной вилле? – с деланным простодушием спросил Валера.

Таня взглянула в его ироничные глаза и искренне ответила: – В миллион раз лучше!

* * *

Андрей ужинал молча. Зинаида Васильевна с тревогой вглядывалась в его озабоченное лицо и без всяких вопросов понимала – дела плохи. «Понесло тебя, дурака, в этот бизнес!» – сердито говорила она. Про себя. Упрекать сына вслух она не решалась. Да и какой смысл – поздно уже сердиться. Она со страхом вспоминала сюжеты из «Дорожного патруля». К двери квартиры бизнесмена подложили бомбу... Коммерсанта нашли под колесами электрички... Что же с ними будет?

Она попыталась отвлечь Андрея от невеселых мыслей:

– Ты знаешь, Танька твоя приехала. Из тридцатой квартиры.

Сын безучастно кивнул головой. Зинаида Васильевна продолжала:

– Веселая, с полными сумками. Подарков навезла. Она теперь миллионерша.

Андрей вяло отмахнулся:

– Миллионерши в нашем доме не живут!

– А она и не будет здесь жить. Говорят, у них вилла во Франции и дом в Америке. Попроцаться приехала, машину продать.

В глазах сына вспыхнули искорки интереса.

* * *

Перед Таней стояла сложная задача: ей хотелось чем-то порадовать мать и отчима. Но так, чтобы они не бросились отказываться и возвращать ее подарки.

Маму она отвезла в меховой магазин и попросила помочь ей, Тане, выбрать шубу – «а то у нас во Франции меха очень дорогие». Они провели в торговом зале полдня. Просмотрели кучу норок, черно-бурых лисиц и даже шиншил. Таня предложила маме тоже что-нибудь примерить – «чтобы я поняла, как это смотрится». Мать охотно включилась в игру и по-королевски поводила перед зеркалом плечами. Ей определенно шли дорогие меха.

Наконец они выбрали Татьяне элегантный песцовый полушубок.

Мать внимательно следила за тем, чтобы шубу аккуратно упаковали. Она и не заметила, как дочь успела оплатить роскошное манто из голубой норки – в нем мать смотрелась просто шикарно. Юлии Николаевне доставили шубу на следующий день. Чека не было, и посыльный категорически отказался забрать покупку и вернуть деньги.

С Валерой Татьяна поступила еще более решительно. Она целый день моталась по Подмоскovie в компании с симпатичным агентом из фирмы по продаже загородной недвижимости. Она знала, что ищет: небольшой и не очень роскошный дом. Но полностью обставленный и обязательно рядом со станцией: «Покупатель больше ста метров пройти не в состоянии, слишком толст!»

Ближе к вечеру ей повезло. Они нашли одноэтажный бревенчатый домик в двух шагах от станции Хотьково по Ярославской дороге. На участке шумели сосны. Домик состоял из двух комнаток, любовно обставленных самодельной мебелью, и полностью оборудованной кухни.

«Здесь раньше жил директор ресторана. У него на кухне навороты – почти как на работе».

Татьяна улыбнулась, вспомнив сногсшибательные Валерины борщи, и решительно сказала: «Беру!»

– Отлично! – обрадовался агент. – Ваша фамилия?

– Ходасевич. Ходасевич Валерий Петрович.

Купчую она отправила по почте – испугалась, что всучить ее Валере лично просто не удастся.

Покончив с родственными обязанностями, Татьяна начала составлять график приема гостей и ответных визитов. Она созвонилась со школьными и университетскими подругами, с двоюродным братом и коллегами по работе. Навестила кое-кого из соседей. Произвела фурор перед многочисленным семейством своего соседа Армена, подарив ему кожаные чехлы на машину и выпив с ним на брудершафт анисовой водки. Даже подарила занудной бабке из двадцать девятой квартиры роскошную коробку французских конфет.

Ей пришлось несколько раз ходить в супермаркет – гостей ожидалось немерено. Она с удовольствием покупала лучшую вырезку, чтобы *самой* приготовить свое фирменное блюдо – свинину с соусом из гранатовых зерен. Тщательно выбирала овощи и соусы для салатов. Копалась в своих кулинарных рецептах, чтобы испечь какой-нибудь особенный торт. Ей нравилось возиться на кухне. Не каждый день, конечно, а изредка – чтобы вкусно накормить гостей, которые не так уж часто приходят.

С не меньшим удовольствием она инспектировала многочисленные московские кафе и ресторанчики. Она с удивлением признала, что в Москве могут накормить не хуже, чем во Франции. (Правда, намного дороже.) Таня устроила маме и отчиму «большую питательную программу». Они сходили вместе в ресторан маминой молодости «Прага», а также в «Замок Мефисто» и в «Золотой лотос». Насладились великолепной кухней. Единственной проблемой, которую приходилось решать Тане, – это схватить счет так быстро, чтобы родители не успели рассмотреть сумму.

Она даже Печального Гарика однажды вывела в свет, и они замечательно провели время в «Салли О'Брайен», вспоминая приключения веселой юности. Гарик смотрелся совсем неплохо в своем единственном костюме. И даже смог уверенно сделать заказ. Только вот вилку он держал в правой руке – как дома. Но Тане было плевать на великосветские глупости.

Сегодня Маргарита – подруга с бывшей работы – пригласила ее в итальянскую «Патио Пиццу» на Маяковской.

Они заняли самый уютный столик у окна. За огромными, сияющими чистотой стеклами спешили пешеходы. Многие мужчины придерживали шаг у окна, возле которого сидели две красивые и веселые девушки. Маргарита заказала лазанью и, как она сказала официанту, пиццу-«тезку», то есть «Маргариту». Татьяна решила ограничиться салат-баром. Она набрала полную тарелку свежих огурцов, помидоров и болгарского перца и залила овощи соусом «Семь островов». Теперь она с удовольствием похрустывала огурцами и запивала их пивом.

– Потолстеть боишься? – не без ехидства спросила Маргарита.

– Ни капельки. Я столько в теннис играю, что мне это не грозит. Просто жарко, горячего не хочется.

Маргарита закатила глаза – ей всегда есть хотелось...

Татьяна и Маргарита когда-то вместе начинали работать в рекламном агентстве «Джасперс энд бразерс». Их взяли туда сразу по окончании университета – на символическую зарплату пятьдесят долларов в месяц. Но с большой перспективой. Американский шеф Брюс Маккенгэн долго распространялся о том, что его агентство – «империя больших возможностей».

Вчерашних студенток определили в креативный – то есть творческий – отдел. Хотя Таня по специальности была психологом, и ей больше подошел бы исследовательский отдел. Но их должности особого значения на первых порах не имели. Основной их обязанностью было бегать за бутербродами и готовить кофе для старших товарищей. Иногда им поручали отправить факс или перепечатать на компьютере какой-нибудь текст. К настоящей работе не подпускали. Более опытные коллеги держались с молодыми – потенциальными конкурентками! – холодно.

За обедом Маргарита и Таня всегда сидели за отдельным столиком и обсуждали варианты – как бы им пробиться наверх? Но все пути, казалось, были перекрыты. Бюрократия в западной фирме царила куда более строгая, нежели в прежних советских конторах. Вот, может, лет через десять девушки, если ничем себя не запятнают, дослужатся до солидных должностей. А пока... Варите, милые, кофе!

Такое положение никак не устраивало Татьяну.

И вот однажды судьба подарила ей шанс.

Весь креативный отдел бился над адаптацией на русский язык рекламы западной автомобильной фирмы. На рекламном плакате в американском варианте был изображен мощный автомобиль – а подле него эффектная, чувственная – даже хищная! – блондинка. Слоган (рекламный девиз) под плакатом в прямом переводе с английского звучал так: «Ну, кто теперь посмеет назвать меня *rissycat*?»

Загвоздка заключалась в этом самом rissycat. Адекватного словечка в русском языке не имелось. Словарь американского сленга трактовал его так, что вслух даже произнести было неудобно. Самым мягким русским эквивалентом было «телка». Но – увы, увы – в оригинальном варианте в английском rissycat отчетливо слышалась никак не «корова», а «киска». Да и девица на плакате была решена в стиле юной львицы...

Без потери смысла слоган перевести было никак невозможно. А срок презентации рекламной концепции заказчику приближался.

Копирайтеры, художники, психологи, социологи слонялись по отделу. Тупо гоняли чай, хрустели сушками и чипсами. Время от времени кто-то из девушек вдруг бросал:

– Может: «Кто посмеет назвать меня «кисонькой»?»

На неудачливого автора набрасывались:

– Любимый твой посмеет! Разве ты будешь против?

Унылая тишина повисала в отделе. Потом кто-нибудь вскидывался:

– Может: «Я вам теперь не телка!»?

– Чушь какая!

И снова унылое прихлебывание чая...

– Или вот: «Какая я тебе теперь кошечка?»

– Грубо!

– Пошло!

– Примитивно!

И тут из своего закутка – поближе к кофеварке – вышла Татьяна. Она скромно сказала:

– Давайте пустим мелкими буквами: «Не подходите близко», а ниже – крупно: «Я ТИГР, А НЕ КИСКА!»

В отделе повисла тишина. А начальник, зашедший взглянуть, как идет творческий процесс у подчиненных, пробормотал: «А что, в этом что-то есть...»

На самом деле Татьяна придумала слоган уже давно и только ждала момента, когда в комнате появится босс...

В тот же день ее зарплата повысилась до пятисот долларов.

Таня очень скоро стала незаменимым человеком в творческом отделе. Ее идеи почти всегда одобрялись не только непосредственным начальником, но и представителем заказчика. Она

умела работать со сторонними авторами. В конце концов именно она договорилась с наследниками авторских прав Агнии Барто, что агентство станет использовать двести тысяч великой детской поэтессы в рекламных целях – и заплатила за это разрешение совсем недорого. К тому же она свободно говорила по-английски и умела строить отношения с коллегами.

Но все равно она пока была «одной из многих». Подняться на следующую ступеньку служебной лестницы ей светило не раньше, чем года через три... А Тане дико хотелось побыстрее развезаться с мамой, занять свое жилье и еще – купить машину! Но до звездного часа, казалось, так далеко...

Таня засиживалась на работе часов до девяти вечера. Ей нравилось оставаться одной в опустевшем офисе – когда ее творческие порывы нарушало только бульканье кофеварки.

Однажды она долго билась над адаптацией текста про туалетную воду «Спортиф». Ей надо было передать в нескольких словах задачу заказчика: «Этой туалетной водой пользуются молодые, но уже уверенные в себе девушки».

Татьяна набросала вариантов десять. Развесила тексты по стенам. Но ей по-прежнему ничто не нравилось. Вроде грамотно написано, живо – но нет искры, текст не играет.

Таня вздохнула – часы уже показывали десять. Наверно, сейчас придется ни с чем уходить домой. Может, ночью ей приснится удачное решение? Так иногда бывало...

Она решила немного отвлечься. Взяла со стола шефа уже утвержденный и подписанный всеми макет рекламы тех самых автомобилей. Завтра с утра его должны были передать в журналы. Таня с удовольствием взглядела в красивую машину, в шикарную девушку-тигрицу у багажника, в текст, который она придумала...

Макет выглядел прекрасно, но... Что это?

Что-то было не так. Она еще раз внимательно рассмотрела красивую картинку, перечитала текст... Нет, с этим все в порядке. Всмотрелась в набранный крупным шрифтом рекламный девиз: «Я ТИГР, А НЕ КИСКА». Здорово она тогда придумала!

Но вот эта буква... Если смотреть под углом, то первая К в слове «КИСКА» определенно превращалась... в П!

Татьяна еще раз присмотрелась. Сомнений быть не могло. В самом деле, не К, а П! Художник, рисовавший макет, то ли похулиганил, то ли схалтурил – а может, захотел подставить ее, Татьяну!

Вот это дела! Место в журнале уже оплачено. С макетом они, как всегда, опаздывали; заказчик, как обычно, торопил – в результате после долгих уговоров в журнале согласились ждать до завтра, до полудня. Оставалось не более пятнадцати часов!

Как же быть? Внести изменения самой? Это абсолютно невозможно – к «презентационному» компьютеру имели доступ лишь несколько человек, а количество копий, распечатанных на суперпринтере, строго учитывалось. К тому же она не художник...

Первой мыслью было – позвонить самому шефу. Потревожить господина Маккагена. Он за эту рекламу содрал с заказчика чертову кучу денег – пусть сам и разбирается.

Она уже потянулась к телефону и... опустила руку. Если хозяин узнает, что агентство допустило такой ляп, – головы не просто полетят. А полетят прямо в пропасть.

Таня подумала еще немного и позвонила непосредственному начальнику по своему мобильному телефону – офисные аппараты прослушивались службой охраны. Она попросила его немедленно приехать в офис.

Вместе они исправляли ошибку до двух часов ночи: не так-то просто было разобраться, как работает этот дурацкий принтер. Не просто было и подтасовать данные о количестве копий.

На следующий день Таня пришла в офис злая и невыспавшаяся. Зато заказчик был на седьмом небе от восторга. Ничто не омрачало его впечатления от макета.

А после обеда Татьяну Садовникову назначили заместителем начальника отдела. Ее выбрали из двадцати семи соотрудников.

После первой же зарплаты она смогла взять у фирмы кредит и купить однокомнатную квартиру.

* * *

– Больше напоминать не буду. Двадцать «штук» плюс еще десять – проценты. Срок два дня. Не отдашь – возьмемся за твою мамочку.

В трубке запищали короткие гудки.

Андрей потерянно смотрел в окно. Вот так, без особых утрашений и даже без мата. Но он абсолютно не сомневался в том, что они выполняют свою угрозу.

И он впервые всерьез подумал о своей соседке Татьяне.

* * *

Маргарита с удовольствием рассказывала Тане, что, хотя в стране кризис, работы у них больше чем достаточно. Теперь у копирайтеров прибавилось полномочий. Их стали допускать к отбору моделей для телерекламы и даже к режиссуре. Она недавно летала в Каледонию – проконтролировать, как идет работа над новым роликом про шоколадки «Баунти». Правда, часто приходится сидеть в офисе чуть ли не до утра – требования резко возросли. «Но ты знаешь, по ночам работать даже весело. Маккаген распорядился, чтобы нам в офис привозили еду из «Елок-Палок». Иногда даже пиво удаётся протащить!»

...Они сидели в пиццерии почти до часа ночи. Таня буквально впитывала все рабочие сплетни. Боже мой, как ей всего этого не хватает! Не хватает авралов и мучительных поисков нужного слова, и перепалок с дизайнерами! И стол ее, говорят, пока не занят! Таня впервые пожалела, что богатство отчеркнуло ее от обычных людей – с их обычной работой и обычными отношениями, не отягощенными миллионами долларов...

Маргарита давно умчалась, чтобы успеть на последний метропоезд, а она все сидела в скверике на Тверском бульваре, игнорируя заигрывания поздних прохожих.

Ей вдруг безумно захотелось вернуться на работу. И пусть опять не будет хватать времени на теннис и косметичек!

Неужели придется признать, что ей стало просто скучно – со всем ее богатством?

...Скучать ей оставалось всего лишь один день...

* * *

Когда Таня вернулась домой, она сразу же заметила призывное подмигиванье автоответчика – слух о ее приезде быстро разлетелся по Москве. Она прослушала сообщение от школьной подруги, от своего бывшего тренера по теннису, от Димы из «Молодежных вестей» – и, конечно, от мамы, которая велела ей обязательно поужинать. Как будто она в пиццерии не наелась!

Татьяна вышла на балкон полюбоваться на свою березу. Принесла с собой апельсиновый сок и уютно устроилась в шезлонге. Набрала номер Димы – увидеться с ним ей хотелось в первую очередь.

У Димы был долго занят номер, и Таня почти задремала под шелест своей березы.

Но все-таки стряхнула с себя сон и дозвонилась.

Дима не удивился позднему звонку и радостно позвал ее назавтра в гости: «Скучать не будем!»

* * *

К Диме Таня ехала с легким сердцем. Никакие тревожные предчувствия (как она специально вспоминала потом) ее тогда не посещали. Даже в мыслях не было, что этот рядовой дружеский визит станет для нее роковым.

У своего дома Татьяна взяла такси. Теперь с машинами в Москве никаких проблем не было. Любой частник был готов везти куда угодно. Порой на поднятую руку (тем более если рука эта была красивой, девичьей) останавливалось разом две, а то и три машины. Благодаря конкуренции цены были смешными, по сравнению с Парижем, разумеется. От своего дома в Новогиреево Таня уговорилась ехать к Диме в Орехово-Борисово за восемьдесят рублей. «Сколько это в конвертируемой валюте? – прикинула Таня. – Чуть больше трех долларов. Вот дешевизна!»

Таня попросила тормознуть у метро «Новогиреево» и забежала в гастроном. Купила тортик. Дима, как многие мужчины, любил сладенькое. Подумала даже, а не приобрести ли для него цветочков. Но потом решила, что это будет слишком.

Дима был, в сущности, лучшим Таниным другом. Два или три раза они, правда, оказывались в одной постели, но секс не повредил их дружеским отношениям. И не превратил их дружбу в нечто большее.

Кому-кому, а Диме Таня могла рассказать о чем угодно. Поделиться с ним всем тем, что ее волновало – причем куда откровенней, нежели с Томом, матерью или даже отчимом.

Ее друг работал в газете, поэтому умел слушать. Уменьше слушать было у него профессиональным. Он обычно садился на кухне против нее, подпирал голову рукой и обращался в слух, лишь временами задавая наводящие вопросы. Когда ее рассказ заканчивался, Таня всякий раз ловила себя на мысли, что выболтала ему гораздо больше, чем собиралась. Куда больше, чем хотела бы. Часто жалела об этом. Ругала себя. И Диму тоже. «Вот репортер, – в сердцах думала она, – без мыла в душу влезет!» Но Дима, надо отдать ему должное, умел хранить тайну. Он никогда не использовал полученную «избыточную информацию» ей во зло.

Залогом их доверия друг к другу были совместные приключения, которые они пережили год назад. В самых трудных обстоятельствах, когда за ними гнались одновременно бандиты и КГБ, ни один из них не струсил, не отступил, не предал другого. Потом, в конце приключения, случилась их нечаянная близость – та близость, которая возникает не от любви, не из сумасшедшей страсти, но появляется благодаря доверию, взаимопониманию и совместно пережитой опасности.

Когда их жизни вошли вскоре в обыденное московское русло, они не виделись месяцами. А когда виделись, это происходило по одной и той же схеме. Дима звонил обычно среди ночи – обволакивал словами, уговаривал, льстил. Он всегда был краснобаем, и она поддавалась его велеречивости... Вскоре он возникал на пороге ее квартиры с огромным букетом цветов, коробкой конфет, бутылкой французского вина. Загорелый, запыленный. Говорил, что вчера вернулся из Белграда. Или с Памира. Или с Камчатки. Но о своих впечатлениях и переживаниях не рассказывал. Восклицал с пафосом: «Подробности читайте в «Молодежных вестях»!» Садился, закидывал тонкую ногу на ногу, глядел на Таню замечательно голубыми глазами. Наливал ей вина и говорил: «Ну, рассказывай!» И внимательно, с искренним сопереживанием, слушал ее.

Иногда такая ночь, подогретая прелестным вином и душевными разговорами, заканчивалась, уже под утро, близостью. А бывало, если не случалось настроения, – заканчивалась ничем. Но при любом исходе оба все равно оставались довольны общением.

Оказавшись во Франции, Таня поняла, что она очень скучает по Диме. Точнее – не по нему самому. Она скучала по своей потребности излить ему душу. Говорить, о чем думаешь. Не

подбирая слова и не задумываясь над формулировками. Дима был самым лучшим слушателем в ее жизни. Иными словами – лучшим другом.

Когда Таня подъезжала к Диминому дому, у нее на секунду возникло искушение рассказать ему о тех необыкновенных приключениях, которые ей довелось, уже в одиночку, пережить в мае. Не для печати, конечно, – просто поделиться. Но, сделав усилие над собой, она все-таки решила: всю правду могут знать только три человека – отчим, мама и Том. А Дима услышит от нее, так сказать, официальную версию: на Таню нежданно-негаданно свалилось во Франции грандиозное наследство.

Дима жил в новом семнадцатизэтажном доме неподалеку от Кольцевой автодороги. Вокруг шеренгами стояли столь же огромные многоэтажные дома. Таня на секунду ужаснулась такой скученности. Живут в буквальном смысле на головах друг у друга. И она двадцать пять лет прожила именно так. И радовалась однокомнатной клетушке – маленькой, но своей...

Поневоле будешь ценить виллу в Антибе.

Во дворе лежала тень от дома и было прохладно. Заходящее солнце горело в окнах дома напротив.

Таня вошла в темный подъезд. В лифте пахло собаками. Стенки его были исписаны фло-мастером. Вместе с Таней в лифт зашла худенькая, провинциального вида женщина лет сорока. Она, как и Таня, ехала на восьмой этаж.

– А вы к кому? – с деревенским любопытством поинтересовалась тетка.

– Не к вам, – отрезала Таня.

Дима жил в однокомнатной квартире. У тетки из лифта квартира оказалась рядом с ним. Она намеренно долго возилась со своим замком, пока Таня звонила Диме в дверь.

Дима отчего-то долго не открывал. Потом распахнул дверь, увидел Таню с тортиком и смутился.

– А, это ты... – проговорил он с непонятной интонацией и посторонился, пропуская Таню в квартиру.

Таня прошла в прихожую и сунула Диме тортик.

Квартира была маленькой и неухоженной. В единственной комнате – дверь, ведущая в нее из прихожей, была раскрыта – стоял неприбранный диван и стенка, полная книг. У окна ютился письменный стол с горами бумаг и недопитой бутылкой пива.

А из кухни навстречу Тане выходила девушка.

Таня мгновенно оценила ее. Было той лет семнадцать. Короткая юбочка едва прикрывала розовые трусишки. Тельце обтягивала маечка с турецкого рынка. Под маечкой не было лифчика. Топорщились маленькие грудки. Волосы стянуты в пучок копеечной заколкой. Типичная пэтэушница.

– Знакомьтесь, девочки, – пробормотал из-за Таниной спины Дима. – Это – Оля, моя... – легкая заминка, – подруга. Таня, э-э, моя старая знакомая.

– Так, значит, *старая* знакомая, – нахально проговорила девица, глядя в глаза Тани бесстыжими своими буркалами. Конечно, для нее двадцатилетняя Таня была *старой*. – Очень приятно. – Девица сунула Тане влажную ладошку.

Ничего не оставалось делать, как пожать ее.

– Здравствуй, девонька, – чуть насмешливо проговорила Таня.

– Девочки, – увещевающе проговорил Дима. – Пойдемте на кухню, попьем чайку.

Он заметно смутился. Тане тоже было не по себе.

А пэтэушница чувствовала себя как рыба в воде.

– О, тортик! – вскричала она. – Люблю я сладенькое! Особенно *перед сладеньким*. Да, Димочка?

Дима еще больше смутился, не ответил и занялся чайником.

Таня без приглашения уселась на кухонную табуретку.

Она кипела от возмущения. Она, конечно же, не ревновала Диму. Много чести! Собрался потрахаться с крошкой – ради бога! Но зачем было приглашать ее, Таню? Зачем ее, взрослую, богатую и почти замужнюю женщину, ставить в неловкое положение? «Я, может, только ради того, чтобы поговорить с тобой, прилетела из Франции – а ты не в силах разобраться со своей очередной потаскушкой! Хотя бы избавиться от нее к моему приходу!»

На кухонном столе стояли две недопитые бутылки пива. Валялись раскрытые пакеты из-под чипсов. Тарелками и стаканами здесь себя не утруждали.

У батареи примостились еще четыре пивные бутылки – уже пустые. «Эх, Дима-Димочка, – подумала Таня, – тряпка ты. Не можешь никому сказать «нет» – даже этой ссыкухе подъездной. Был бы ты бабой – ходить бы тебе всю жизнь беременной! Да из тебя все кому не лень будут веревки вить. Вот поэтому-то я – не с тобой. Понял?»

Ярость Тани потихоньку улеглась. Она стала смотреть на эту ситуацию словно со стороны. Ей было весело наблюдать, как суетится Дима, тщетно пытаясь навести порядок на столе и в их отношениях.

– Олечка, порежь, пожалуйста, тортик, – сладко-сладеньким голосом попросил Дима.

– Пусть *она* режет, – мотнула головой пэтэушница. – Я не умею.

– А что ты вообще умеешь? – доброжелательно поинтересовалась Таня.

– Не твое дело! Не волнуйся! *Что надо* – умею. Получше тебя! Правда, Дима?

– Девочки-девочки, – невпопад проговорил Дима.

Эта Оля отчего-то имела над ним странную власть.

Таня резала тортик. Дура, еще выбирала, чтоб Димке понравился. Ей было смешно и стыдно наблюдать за девицей. Неужели Дима мог клонуть на такое убожество?

– Ну, Димочка, – язвительно начала она, чтоб не молчать и хоть как-то уесть девку, – расскажи, над чем ты работаешь? Наверно, собираешь материал для очерка о трущобах? О детях городского дна?

Девица въехала в намек и ощерилась:

– Сама ты помойка!

Ну что ты будешь делать! Как с такой прикажете сражаться? Все равно, как если бы ты наносила изящный фехтовальный укол, а тебя в ответ – дубиной!

– Но-но, ты у меня потише тут! – Дима вдруг возвысил голос на девицу.

Та сразу сникла.

– И вообще! – вдруг выкрикнул Дима. – Шла бы ты лучше домой! Шалава!

Тут произошло то, чего меньше всего могла ожидать Таня. Девица сползла с табуретки и бухнулась перед Димой на колени. В глазах ее заблистали слезы.

– Димочка! Миленький! – взмолилась она. – Не гони меня! Радость моя! Хочешь, я извинюсь перед ней? Хочешь? Простите меня, госпожа хорошая! Простите, солнце наше! Хочешь, Димочка, я ей ручки поцелую? Хочешь? – Она потянулась к Таниной руке. – Хочешь, мы тебя с ней вдвоем ублажим? Хочешь?

Таня с удивлением и брезгливостью наблюдала за этой комедией.

– Встань! – страшным шепотом проговорил Дима. – Заткнись!

Девица послушно уселась на табуретку. В глазах ее, устремленных на Диму, было немое обожание.

– Прости меня, Танечка, – сказал Дима. – Я не ждал ее и... и...

– Ладно, Димка. Я пойду.

– А чайку? Я налью!

– Ладно, дорогой. Я не люблю Достоевского. Разбирайся с ней без меня.

Она решительно встала и прошла в прихожую. Дима бросился то ли останавливать, то ли провожать ее.

– Простите меня, Таня! – пронзительно закричала из кухни девушка.

«Не люблю пьяных», – подумала Татьяна.

В дверях она обернулась. У Димы был виноватый вид.

– Мы еще увидимся? – пробормотал он.

– Конечно – спокойно сказала она. – Но ты только смотри, предохраняйся. Не дай бог
гонорю.

И она захлопнула за собой дверь.

...Назавтра, в час дня, ее арестовали по подозрению в убийстве.

Москва
12 августа, 11.40
ПАВЕЛ

– ...назавтра, в час дня, меня арестовали по подозрению в убийстве. В убийстве этой Ольги, – закончила свой рассказ девушка.

Я был потрясен. Вот в чем, оказывается, ее обвиняют.

Я видел репортаж об убийстве в «Дорожном патруле». В Орехове-Борисове девушку нашли мертвой на квартире у молодого человека. Значит, это была та самая Оля.

Она, помнится, лежала в кровати с перерезанным горлом. Рядом валялся окровавленный нож. Камера показала тогда перебутыренные окровавленные простыни.

В квартире, как я успел тогда заметить, был разгром. Дверцы стенки открыты. На полу валялись книги и бумаги.

В кухне разметались бутылки. На столе стоял порезанный, но не съеденный торт.

Так вот, значит, чей это был тортик.

Банальная «бытовуха», подумал, помнится, я тогда. Пьяная ссора.

Хозяин квартиры бесследно исчез, говорилось в репортаже. Правда, телевизионный корреспондент тогда ни словом не обмолвился, что пропавший – не кто иной, как известный журналист газеты «Молодежные вести» Дмитрий Полуянов. Не захотел, должно быть, мимоходом возводить напраслину на знаменитого коллегу. Или товарища по цеху выгораживал.

– Вы возьметесь за это дело? – спросила девушка, пристально глядя на меня.

– Это будет зависеть от того, насколько удовлетворительно вы ответите на два вопроса.

– Слушаю.

– Во-первых, каковы будут условия?

– Двести долларов в день плюс компенсация разумных расходов. А если вы найдете убийцу – и Диму тоже, – тогда ваш гонорар пятьдесят тысяч долларов. Приемлемо?

Она еще спрашивает!

– Вполне.

– Тогда слушаю второй вопрос.

– Вы – убийца?

Я вперлся ей в зрачки. Маньяк Чикатило от такого взора сразу бы раскололся.

– Нет, – слегка улыбнувшись, ответила она.

Похоже, она говорила правду. Или мне надо переквалифицироваться в разрубщика туш мелких и средних животных.

– Что ж, по рукам, – вздохнул я. – Задаток?

Она протянула мне конверт:

– Здесь три тысячи. Единственное условие: я буду вести расследование совместно с вами.

Идет?

– Как это? – был неприятно поражен я.

– Вам же пригодится помощник?

– Нет. – Конверт я не взял. Она положила его на стол.

– Но, согласитесь, кто, кроме меня, больше заинтересован в результатах расследования?

– Послушайте, Татьяна, вы кем работаете?

– Работала – копирайтером в рекламном агентстве. Ну, чтоб вам понятнее: писала тексты для рекламы.

– Да? А вам никто не помогал? Ну, я имею в виду, тетя Ася с вами рядом не стояла, когда вы писали? Не говорила: вот здесь вы слово «мать» напишите? А вот здесь: «А не пойти бы вам...»?

Девушка слегка покраснела. Это был хороший знак. Она понимала намеки. И была, кажется, разумным человеком.

– Ладно, беру свои слова обратно, – сказала она. – Но тогда прошу вас докладывать мне о ходе расследования. Дважды в день. Утром и вечером.

– Вы думаете, что утром будет намного больше информации, чем вечером?

– А как иначе? – Она жестко посмотрела на меня.

– Идет, – сказал я и взял конверт. – Расписку писать?

– Пишите. В случае чего сдам ее в налоговую полицию.

Вот змея!

– Тогда я пересчитаю.

Я посчитал деньги и написал расписку. Передал ей документ и убрал конверт с долларами в сейф.

Пришла Римка, закопошилась в своем предбаннике. Пока она не уселась красить ногти, я велел ей сделать еще кофе.

– Хорошо, Павел Сергеевич, – держала форс перед клиентом Римка.

Когда она поставила перед нами по чашке кофе и плотно закрыла дверь к себе, я сказал девушке:

– Приступлю к работе немедленно. Сначала опрошу вас. Прошу отвечать на мои вопросы сразу и не задумываясь. Вы готовы?

Она была готова. Еще бы! Когда б надо мной висело убийство с отягчающими, я бы рассказал даже о том, как в пионерлагере подсматривал за девочками в туалете.

– Почему, как вы думаете, задержали вас?

– Эта тетка ... в лифте... Соседка... Она видела меня... И слышала, как в квартире кричали... И еще... Они там, в милиции, говорили, что на ноже – отпечатки моих пальцев.

– А ножом вы резали торт?

– Наверное.

– Кто обнаружил труп? Когда?

– Не знаю.

– Что вы делали после того, как вышли из квартиры?

– Поехала домой.

– На чем?

– Поймала машину.

– Марка машины?

– «Жигули». Восьмерка. Кажется, бежевая.

– Номер?

– Не помню.

– Что вы делали, когда вернулись домой?

– Приняла душ. Почитала. Легла спать.

– Кому-нибудь звонили?

– Нет.

– А вам?

– Звонили на автоответчик. Я не брала трубку.

– Видел ли вас кто-то из ваших соседей?

– Нет.

– Может быть, из окна? С балкона?

– Возможно.

- С алиби, значит, у вас напряженка... А мог ее убить Дима?
- Не знаю. Не думаю. Нет.
- Он подвержен вспышкам гнева? Может быть, не владеет собой – особенно когда выпьет?
- Нет. Он на редкость спокойный и уравновешенный человек.
- Напивался ли до беспамятства?
- Никогда не видела. Он всегда контролировал себя. Сколько бы ни выпил.
- Где он мог бы скрываться?
- Где угодно. По всей России. Он журналист. У него полно друзей.
- Вы поняли, как представляют себе дело мои коллеги из милиции?
- Не знаю точно... Но скорее всего так: я пришла и увидела Диму в постели с *этой*... В приступе гнева зарезала ее... Потом Дима и я испугались и сбежали...
- Вам предъявили обвинение?
- Да.
- Почему вас выпустили?
- Валерий Петрович – мой отчим – поставил всех на уши... Я дала подписку о невыезде... Заплатила залог...
- Сумма залога?
- Это, простите, не ваше дело.
- Я перевел дух.
- Хорошо. А как вы сами себе объясняете: что произошло?
- Ну... Я думаю, что ее убили посторонние люди... Возможно, это были грабители... Ворвались...
- Почему же тогда исчез Дима?
- Я не договорила: скорей всего бандиты охотились за Димой. Эта Оля оказалась просто ненужным свидетелем... Диму захватили и увезли. В квартире что-то искали.
- Могли у него быть дома ценности, деньги?
- Денег... Не думаю, что много... Но бандиты могли *думать*, что у него есть ценная вещь.
- Какая?
- Она слегка поколебалась:
- Драгоценный алмаз.
- А он был у него в квартире?
- Нет.
- Но Дима знал, где он находится?
- Да.
- А вы знаете, где этот алмаз находится?
- Да.
- И не скажете мне?
- Естественно, нет.
- Теперь вопрос такой. Только подумайте. А кому известно, что вы и Дима можете знать, где хранится этот камень?
- Никому. Точнее – двум человекам. Но они, во-первых, далеко. А во-вторых, я им верю больше, чем себе.
- Завидная уверенность... А мог Дима обладать информацией, кому-то здорово мешающей? Какой-нибудь дискетой, кассетой?
- Наверно.
- Он проводил журналистские расследования?
- Думаю, да.
- Но он ничего не говорил вам об этом?

- Он никогда не рассказывал о своей работе.
- Так... У вас нет ли случайно фотографии Дмитрия?
- Случайно – есть.

Она была предусмотрительной. Даже чересчур.

Татьяна достала из сумочки фото. На ней были запечатлены они с Дмитрием. Фотография была сделана зимой. Они стояли, слегка обнявшись, на каком-то заснеженном поле. Полуянов шурился от морозного солнца. Лицо его было не слишком хорошо видно. Но на первый случай сойдет.

– Я возьму фото... Пожалуй, пока все... Вы по-прежнему настаиваете, чтобы я перед вами ежедневно отчитывался?

– Да.

– Тогда жду вас здесь в двадцать три ноль-ноль. Наверно, у меня будут к вам еще вопросы.

– Я приеду, – милостиво согласилась она. Встала и подала мне руку.

Рука была сильная. Пожалуй, излишне сильная для девушки. И совсем невлажная. Она, похоже, перестала волноваться. И на мои вопросы отвечала правдиво.

– До вечера.

– Желаю удачи.

Я проводил ее до дверей офиса. Римка послушно встала, пряча под столом полунакрашенные ногти.

Я вернулся к себе и уселся в любимое кожаное кресло. Жара набирала обороты. Из распахнутого окна тянуло, как из сталеплавильной печи.

Похоже, ключом к разгадке был пресловутый Димка. Дмитрий Полуянов, специальный корреспондент «Молодежных вестей». Надо искать его. «Ох, какой я догадливый...» – самоиронично подумал о себе, любимом.

– Римка! – заорал я. – Я уезжаю! Буду вечером! Если что, звони мне на мобильный или на пейджер.

Римка не могла скрыть своей радости. Целый день она сможет – за мои деньги – точить когти и играть на компьютере.

– Будешь занимать телефон – во! – Я продемонстрировал ей немаленький кулак.

– Что ты, Пашенька, – промурлыкала она.

Я надел солнцезащитные очки и поспешил к своей «восьмерке». План действий на сегодня уже сложился у меня в голове. Дел хватит. Надо шустрить.

Не каждый день сваливается на голову клиент с полусотней «штук» зеленых. Этак можно квартиру прикупить взамен моей коммуналки. Двухкомнатную, в центре...

Если бы я знал, включая зажигание в духоте машины, какими неприятностями будет чревато для меня дело, за которое я столь опрометчиво взялся! Когда б я хоть на минуту мог представить, сколь мощные силы начнут противостоять мне – я бы не мечтал о том, как распорядиться еще не заработанными деньгами, а помчался возвращать молодой даме, этой богатенькой Татьяне Садовниковой, задаток.

И еще своих, пожалуй, приплатил бы...

ТАТЬЯНА

Из офиса Павла она вышла в совершеннейшем раздрае.

На вопросы Синичкина отвечала словно во сне. Двигалась и говорила, собрав в кулак всю свою волю. Даже две чашки кофе не помогли.

Павел произвел на нее благоприятное впечатление. Но чем конкретно понравился он ей? Она была в таком состоянии, что не смогла бы сформулировать. Пожалуй, больше всего понравились его внимательные глаза. Мягкий тон. Его спокойная манера разговора контрастировала с широкими плечами Павла и огромными его кулаками. Таня сразу безотчетно почувствовала, что такому человеку можно доверять. Больше того: ему, казалось, можно верить свою судьбу.

Выйдя из здания, где помещался офис Павла, Таня принялась беспомощно озираться. В этом районе Москвы она бывала не раз. Все казалось ей смутно знакомым. Но сейчас Таня не могла сообразить, где она находится, как ей выбраться отсюда. И где ее дом.

Она встряхнула головой, сделала над собой усилие и вдруг поняла, что отсюда – всего минут семь езды до дома ее матери. И ей вдруг отчаянно захотелось – так же, как в раннем детстве, когда обида или детское горе переполняли ее, – прибежать к матери, уткнуться в нее и выслушать бессвязные, ласковые слова сочувствия.

Татьяна отогнала слезы, сдерживаясь из последних сил, и подняла руку, подзывая такси. Остановилась машина, Таня села и назвала адрес мамы. Откинулась на заднее сиденье и закрыла глаза. И едва ли не тут же провалилась в сон.

Прошедшую ночь Таня не спала. Разве можно уснуть в камере, где на восемь нар – тридцать заключенных женщин! Где стоит невыносимая жара – наверное, все шестьдесят градусов. Дышать нечем. Кашель, стоны... А эта вонь! От параша, от женщин, от белья, сушащегося на веревке под потолком... «Дура я дура, – думала Таня. – Я третьего дня квартирами нашими брезговала. Все о вилле своей вспоминала. Сейчас бы растянуться – хоть на жестком диване, хоть на полу. Остаться одной, завернуться в чистое белье, провалиться в блаженный сон...»

Весь вчерашний день ее допрашивали. В основном следователь – полная, потеющая тетка в очках. Ее глаза под сильными стеклами-лупами были словно щелочки. Едва Таню ввели в ее кабинет, она уже смотрела на нее с неприязнью. Метод допроса был: по двадцать раз повторять, в разных формулировках, одни и те же вопросы. Под конец Таня уже не соображала, что говорит. Отвечала, как автомат. Видать, следовательша того и добивалась: чтобы Таня потеряла контроль над собой и что-то выболтала. Слава богу, хоть не били. А Таня с ужасом ждала этого...

Когда сегодня рано утром ее освободили под залог и подписку о невыезде, краски летнего московского утра, мягкий ветерок, солнце и свобода ошеломили ее. Она не верила своему счастью: дышать всей грудью. Идти куда хочется. Каким милым казался ей обыкновенный солнечный свет!

Она не знала, какие титанические усилия предпринимали мама и отчим, бывший кагэбэшник, чтобы сначала найти ее, а потом добиться освобождения. Сколько хлопотали они, чтобы собрать необходимую сумму для залога. Она даже не представляла себе, кому только не звонил Валера, в каких только кабинетах не побывала ее пробивная мамми! То, что ее выпустили, было настоящим чудом. Чудом, которое сотворили ее родители.

Первой же мыслью Тани после того, как она почти бегом вылетела из здания тюрьмы и сразу же оказалась на яркой, веселой московской улице, где ничто не напоминало о неволе, было: бежать! Бежать! Тут же нестись в Шереметьево и лететь из страны куда глаза глядят. Если она еще раз окажется в тюрьме, то... Нет, в самом деле – лучше смерть. Если ее снова придут арестовывать... Она не вынесет этого. Лучше самой выпрыгнуть с балкона.

Бежать, бежать! Но она остановила себя: с нее же взяли подписку о невыезде. А это значит, что все пограничники занесли ее в черный лист и из страны не выпустят. Ей нельзя даже выезжать из Москвы. Она, с ее умом, деньгами, красотой и талантом, стала заложником этой долбаной, преступной, жаркой столицы!

Чуть не плача, она позвонила тогда из автомата отчиму. Как всегда, его спокойный голос оказал на нее благотворное действие. Валера успокоил ее. Рассудительно сказал, что произошло недоразумение. Оно обязательно скоро разъяснится. (В его голосе сквозила непоколебимая уверенность.)

А чтобы власти разобрались быстрее, им надо помочь. И для этого, сказал отчим, ей следует обратиться к частному детективу. Он порекомендовал одного: безусловно честного, как сказал Валерий Петрович, и очень дельного – Павла Синичкина. «Езжай к нему прямо сейчас», – посоветовал отчим.

Таня, держась из последних сил, поехала к детективу – только забежала домой принять душ (ах, какими сладкими, какими нежными были эти водяные струи!).

И вот сейчас, после встречи с Павлом, держась из последних сил, она подъезжала к маминному дому, мечтая только об одном: как свернется калачиком под чистыми простынями, а мама будет сидеть на диване рядом с ней и тихо гладить ее по волосам.

Расплатившись с таксистом, она вошла в подъезд (у нее были ключи от маминого дома). Машинально достала из почтового ящика свежую газету. Так же машинально, словно робот, в лифте развернула ее. Один из заголовков внизу страницы, там, где печатались самые «жаренные» сообщения, будто ударил ей в глаза:

**МИЛЛИОНЕРША ИЗ ФРАНЦИИ
ОБВИНЯЕТСЯ
В ЖЕСТОКОМ УБИЙСТВЕ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕЙ**

Не веря глазам, она принялась читать.

«Вчера в Москве была арестована 26-летняя Татьяна Садовникова. Она обвиняется в жестоком убийстве, совершенном на квартире ее друга, журналиста известной молодежной газеты Дмитрия П. Как предполагает следствие, Татьяна Садовникова заглянула во внеурочный час «на огонек» к своему интимному другу Дмитрию П. и застала его в постели с 17-летней Ольгой К. В припадке ревности Садовникова взяла нож и нанесла Ольге К. несколько жестоких ударов. От полученных ран несчастная жертва скончалась на месте. Ее незадачливый любовник, видимо, испугавшись содеянного своей постоянной любовницей, с места преступления скрылся. Московская милиция объявила его во всероссийский розыск.

Татьяна Садовникова была арестована вчера. По сведениям, полученным в информированных кругах, эта дама, наследница многомиллионного состояния, постоянно проживает во Франции. В Москву Садовникова прилетела, чтобы повидаться со своим любовником, который успел за время ее отсутствия наставить ей рога. Садовникова не перенесла измены и убила ни в чем не повинную девушку».

Лифт остановился на мамином этаже.

Не помня себя, Таня бросилась к маминой двери.

– Мамочка! Мама! Что же они делают! – всхлипывая, кричала она.

Глава 2

За год до описываемых событий.

Москва ОКСАНА

Оксана Берзарина возвращалась домой.

Ее «девятка» уверенно держала 110 километров в час. Оксана наслаждалась скоростью, пустынной дорогой, ночной музыкой, несущейся из квадрофонической системы «Альпайн».

Давно стемнело. На Кольцевой дороге было совсем мало машин. Временами она обгоняла ночной бензовоз, грузовик с лесом или «чайника» на старой «копейке». Порой по крайней левой полосе проскакивала на сумасшедшей скорости иномарка.

Оксана предвкушала, что минут через двадцать она приедет домой на Кутузовский, примет душ, сделает коктейль – джин с тоником, льдом и лимоном – и уляжется смотреть телевизор – все равно что. Впереди два выходных. И работы никакой не предвидится. Завтра она будет спать до полудня. А потом... А потом – по настроению. «Может, буду валяться до вечера. Очень я за последнюю неделю устала. Буду завтра лежать и тупо смотреть телевизор. Это ли не счастье!»

Ярко, но как-то призрачно освещенная дорога навевала сон. Машина равномерно сжирала версты МКАД. Ехать было одно удовольствие. Прохладный ночной летний ветер из открытого окна приятно овеивал лицо, уставшее от дневной жары.

Внезапно двигатель дал перебои.

Под капотом что-то стукнуло.

Машина стала терять скорость.

Она сильнее надавила на газ. Двигатель не отзывался. «Девятка» тормозила сама по себе.

Оксана, оставаясь хладнокровной, взяла правей. Надо дотянуть до резервной полосы. Слава богу, на дороге никого не было.

«Девятка» теряла ход. Оксана круче выворачивала руль.

Двигатель заглох. Машина шла по инерции. Остановилась. До резервной полосы она не дотянула чуть-чуть.

Будь ты проклята! Оксана в отчаянии ударила по рулю.

Первым делом она включила аварийку. Потом пару раз попыталась завести мотор. Стартер крутился, но движок был мертвым.

Оксана вылезла из авто. Машина, раскорячившись, стояла боком на первой полосе. До резервной она чуть-чуть не доехала. Что теперь делать? Толкать проклятушную «девятку» к ограждению?

Ну к черту! Что она, Шварценеггер?!

Оксана достала из багажника знак аварийной остановки. Поставила метрах в тридцати позади машины. Еще наскочит какой-нибудь ночной лихач. Береженого бог бережет. Что дальше? Звонить по мобильнику куда-нибудь в аварийную службу? Или Семену – пусть выручает? Или просто – поймать частника, чтобы отволок на веревке до дома?

Последний вариант представлялся самым простым. И, пожалуй, самым дешевым.

Но куда Оксана открыла капот. Она даже не надеялась сама починить машину. Открытый капот был способом проголосовать. Увидят водилы женщину, беспомощно склонившуюся над движком, – сами остановятся. Лишь бы не бандиты. Хотя и с бандюками договориться можно.

Оксана заглянула под капот. «Чтоб я еще хоть что-то в этом понимала!» В тусклом свете фонарей, торчавших далеко – на разделительной полосе – Оксана осмотрела двигатель. Кажется, вот эта пластмассовая коробочка не на месте. Она обычно вроде бы вот здесь прифигачена, а сейчас висит – болтается на одних проводках. Что это, интересно, значит?

Рядом притормозила машина. Проехала чуть вперед, а потом сдала задом прямо к ее капоту.

Оксана подняла голову. Иномарка. Не очень новая. Кажется, «Вольво».

Из машины вышел мужчина. Он был один.

Вот и хорошо. С одним всегда справишься.

Мужик был лет сорока. Худой, высокий. С бородкой. Хорошо одет. Галстук небрежно распушен. Ослепительная батистовая рубашка. Совсем не дешевый костюм.

– Скорую техпомощь вызывали? – весело обратился мужчина к Оксане.

– Если она – вы, то вызывала, – многообещающе сказала Оксана. Пусть потрудится на безвозмездных началах. Может, одним кокетством удастся с ним расплатиться.

Сам вызвался.

– Отойдите на семь метров от движка, – приказал мужчина.

– Зачем отходить? – улыбнулась Оксана.

Мужик ей нравился. Было видно, что он – одного с ней круга: работает где-нибудь в коммерческой фирме. И получает, судя по одежке, примерно столько же, как она: тысячи две-три долларов.

– Почему именно на семь метров? – с улыбкой переспросила она.

– Вдруг взорвется, – совсем нестрашно испугал мужчину.

Он заглянул под капот ее «девятки», хмыкнул:

– Дело ясное, что дело темное, – и отправился к своей машине.

Через минуту он вернулся, уже без пиджака и галстука и с аккуратным чемоданчиком с инструментами. Надел нитяные перчатки и взял отвертку.

– Нам повезло, – пробормотал он. – Крышка трамблера не разбита. У вас ведь запасной нет?

Оксана пожала плечами.

– Конечно, откуда вам знать... Запомните, девушка: женщина должна ездить на иномарке. Езда на «Жигулях» – занятие для настоящих мужчин. Только подлинные мачо в кирзовых штанах могут так рисковать. Лишь им по силам оседлать железного коня под гордым именем «Жигули». Лишь они могут пускать его вскачь, отправляться на нем в путешествия, полные неожиданностей и приключений!..

Если бы мужчина произносил сей монолог сложа руки, Оксана сочла бы его никчемным резонером. Но он в это время ковырялся, склонившись, над движком. Было видно, что он знает, что делает.

Наконец помощник разогнулся. Сказал:

– Заводите!

– Уже?

– Восторг любителей – вот ради чего живут профессионалы, – усмехнулся мужчина.

Оксана уселась за руль. Нечаянный помощник нравился ей все больше и больше.

Машина завелась с пол-оборота.

Оксана поставила автомобиль на «ручник» и вылезла из «девятки».

– Не знаю, как вас благодарить...

– Никак не надо благодарить, – просто сказал он.

«Неужели он сейчас сядет в машину и уедет? – Оксану вдруг ужасом пронзила эта мысль. Ночной незнакомец ей очень понравился. – И не станет набиваться на кофе? И не попросит телефончик? Надо что-то делать!»

– Знаете, – просто сказала Оксана, – я хочу пригласить вас на чашку кофе. Хотите – прямо сейчас.

Его часто приходилось в отношениях с мужчинами самой брать быка за рога. Самой ставить точки над «и».

Оксана была современной женщиной. Однако за те несколько секунд, пока он замедлил с ответом, она испытала настоящий страх и стыд.

* * *

Душа Андрея Велихова пела.

Под колесами «Вольво-440» гостеприимно расстилалась Кольцевая дорога. Могучая машина повиновалась каждому, даже едва заметному движению правой руки, лежащей на руле. Левую руку Андрей высунул в окно, и поток летнего ночного воздуха врвался в кабину.

Бывает же так, когда все на свете удается. Сегодня подписали контракт с поволжцами. Крупный контракт. Теперь фирма обеспечена работой по меньшей мере на год. На вечеринке в честь сего события Андрей был в ударе. Все, особенно дамы, превозносили его, дорогого директора, мудрого руководителя их маленькой, но гордой фирмы. После он «кстати, как денди, и девушку спас». Выручил на ночной дороге очаровательную незнакомку. Получил от нее приглашение на чашечку кофе.

Положительно все ему сегодня удавалось. О чем еще может мечтать настоящий мужчина!

Оксана Берзарина ему понравилась. Черноглазая, чернобровая. Стройная, миниатюрная. А главное: глаза ее сверкали неутоленным сексуальным огнем. Про такие глаза другие мужики – те, что попроще – говорили обычно, что они «блядские». Андрей предпочитал более интеллигентный термин: «сексапильные». Он мог поклясться, что она не замужем. А даже если формально замужем, то с мужиком своим не спит.

Завтра мы с ней увидимся, думал Андрей. И я буду не я, если дело не кончится постелью.

Когда-то давно, еще в Америке, он прочитал, что женщина подсознательно решает, будет ли она с мужчиной или нет, в первые восемь секунд их знакомства. Это было очень похоже на правду. И сейчас, в случае с ночной незнакомкой на «девятке», он был почти уверен, что она в те самые восемь секунд решила для себя: «Да!»

Только завтра надо организовать все так, чтоб было красиво. Чтобы их встреча, даже если постель разочарует или его, или ее (всякое бывает – в свои 36 лет он хорошо понимал это), все равно осталась в памяти обоих как очаровательное приключение.

«Просто поразительно, – думал Андрей, – насколько женщины чувствительны к мужскому успеху. Не к деньгам, не к внешним признакам благополучия – вроде крутой тачки или двухсотдолларового галстука, – а именно к успеху. Ты можешь быть нищим, ездить на метро или на «Запорожце» и носить китайские джинсы, но, если тебя посетила удача, можешь не сомневаться: все бабы – твои. Они прямо-таки слетаются на запах успеха – словно осы на сырое мясо. Как они, интересно, его чувствуют?»

Мимо с грохотом и ревом пронеслись три джипа.

«Наверное, – продолжал свои размышления Андрей, покуда его одинокий «Вольво» наматывал на кардан мили Московской кольцевой, – мы, мужики, сами, когда нас посещает удача (или мы думаем, что она нас посетила), распрямляемся и начинаем излучать какие-то флюиды непоколебимой уверенности в себе. Какой-то *аромат победителя*. А самки любят победителей. В них это заложено генетически: продолжать свой род от самого сильного самца».

Вот и сегодня, когда они устроили в фирме небольшую вечеринку по случаю их победы, Андрей был в ударе. Шутил, произносил тосты, рассказывал анекдоты. Потом все, кроме него, напились, и женщины-коллеги так и липли к нему.

Дело было, конечно, не в том, что он директор – директором он был и позавчера, и год назад. Суть заключалась в том, что к нему пришел успех. Он излучал флюиды победы. И дамы чувствовали это.

«Как хорошо, что я ни с кем из них не остался, не вызвался никого подвозить, – подумал Андрей. – Во-первых, был бы лишний мучительный геморрой – роман на работе. А главное – я бы не встретился с этой очаровательной Оксаной Берзаринной. А связь с такой женщиной – красивой, умной и волевой (он успел за время недолгого их разговора почувствовать в ней эти качества) – дорогого стоит».

Ладно, не забегай вперед, оборвал он сам себя. Неизвестно, как еще все получится завтра.

Предаваясь «мелкой философии на глубоких местах» (как он самоиронично называл подобные рефлексии), Андрей незаметно прочесал едва ли не половину Кольцевой: от выезда из Строгина, где он повстречался с Оксаной, до своего Щелковского шоссе.

К себе, на 13-ю Парковую, он приехал около часу ночи.

Поставил машину на платную стоянку. Поднялся на седьмой этаж, в двухкомнатную неухоженную холостяцкую квартиру.

Все складывалось чудесно. Контракт с Балаковской ГЭС на поставку оборудования на несколько миллионов долларов подписан. Вечеринка в честь этой победы удалась. На ночной дороге он встретился с очаровательной брюнеткой. Договорился о свидании. Все было более чем хорошо.

Настолько хорошо, что даже спать не хотелось. Может, следовало поехать к брюнетке прямо сейчас? Нет, надо сделать паузу. Мы же не дети. Зато завтра ему предстоит настоящее свидание, а не постель впопыхах.

С этой мыслью он заснул – неожиданно и глубоко.

* * *

Хорошо, что незнакомец не принял приглашение ехать к ней прямо сейчас.

Ей было бы неловко. Квартира не слишком убрана. Вон лифчик на кресле валяется.

Да и устала она. Рабочая неделя позади. Переживания из-за этой дурацкой машины опять же. Оксана скинула надоевшие туфли. Растянулась на диванчике. Включила телевизор. Как хорошо!

А был бы здесь ее спаситель, пришлось бы сейчас варить кофе. Делать коктейли. Вести светскую беседу... Потом, наверно, кувырнуться в кровати.

Секс из-за усталости, да еще с незнакомцем, оказался бы скомканным. Неизвестно еще, как бы дальше дело с ним обернулось. Может, они были бы разочарованы настолько, что больше никогда не захотели бы встречаться.

Зато завтра... Она отдохнет, выпится. Сделает зарядку. Займется собой. Присмотрит ванну. Сделает маску. Может, выберется к маникюрше. А уж к вечеру...

А вдруг он не позвонит? Мало ли что начинает думать мужчина поутру, при ярком свете, о том волнующем, что произошло с ним ночью, в полумраке! Мало ли какие у него появятся дела в субботу. Какой-нибудь там амортизатор у машины прокачивать. Или на шашлыки с друзьями забуриться. Или к любовнице своей старой отправиться. Или жена бывшая на него свои права объявит. Или детишки. (То, что Андрей сейчас не женат, Оксана женской своей интуицией определила безошибочно. Но ведь был, наверно, женат – как иначе в его-то годы!)

«Ты это мне брось, – мысленно прикрикнула сама на себя Оксана. – Позвонит он, никуда не денется. Не завтра – так на неделе». Случайный помощник на Оксану *затал*. Она чувствовала это наверняка.

Она разделась, аккуратно повесила на плечики деловой костюм, купленный в начале лета в галерее «Актер» за 800 долларов.

Пошла в ванную. Три огромных зеркала – два на стенах и одно на потолке – отразили ее. Голенькая, она нравилась себе даже с устатку, со слегка поплывшей за день косметикой. Небольшая ростом, даже миниатюрная, она была пропорционально сложена. Грудочки торчком. Сладкий изгиб бедра. А ноги, для ее-то роста, вообще были о-го-го. Правда, пара лишних килограммов есть. Даже, будем откровенны сами с собой, целый пяток. Ну, это дело поправимое. Она просто расслабилась за лето. Вот съездит в Анталию, отдохнет. А там возьмется за себя. Пойдет опять на шейпинг, на массаж.

Подогревающийся пол в ванной приятно ласкал стопы. Она с удовольствием огляделась по сторонам. Оксана гордилась своим телом. И собой тоже. И своим умением жить. И тем, чего она достигла.

Взять хотя бы эту ванную. Ведь она оборудовала ее по последнему слову, когда о всяких там «евроремонтах» в Москве даже не слыхивали. В начале девяностых к ней в квартиру друзья ходили как на экскурсию.

Оксана тогда сломала перегородку между ванной и туалетом – получилась в самом деле ванная *комната*, метров пятнадцать. Всю плиточку – на полу, на стенах – она выложила сама. И получилось ничуть не хуже, чем сделали бы какие-нибудь работяги. А чего стоило эту плитку раздобыть! Оксану аж передернуло, когда она вспомнила свои тогдашние бесконечные походы к спекулянтам на базы и к черным ходам магазинов... Как хорошо, что сейчас у нас в стране есть все. Кроме, пожалуй, денег. Но за это Оксана не беспокоилась. Уж что-что, а деньги она всегда раздобудет.

Она не раз начинала с нуля.

* * *

Велихов позвонил очень удачно, в половине одиннадцатого. Оксана проснулась в десять и как раз успела съесть грейпфрут и выпить чашечку кофе. Кофе с грейпфрутом удивительно хорошо проясняли голову – и создавали *готовое ко всему* настроение.

Он осторожно осведомился:

– Оксаночка, не разбудил?

Она весело откликнулась:

– Как раз позавтракала – и согласна на все!

– И на поездку в Загорск? – неожиданно спросил он.

– И на нее! – не растерялась Оксана. И добавила: – Только не на моей «девятке».

– А что «девятка»? Опять сломалась? – искренне обеспокоился он.

– Нет, долетела прекрасно! Но я так устаю за рулем...

Оксана знала, что мужчинам нравится, когда дамы автомобиля боятся и от него устают.

– Конечно, поедем на моей! – с готовностью откликнулся он. – Погуляем, пообедаем, а вечером, если вы не возражаете, сходим на Гарри Гродберга.

Это еще что за хрен! Оксана изо всех сил напрягла память – и вспомнила:

– Что, он написал новый органнй концерт?

Велихов, судя по всему, удивился, что она знает, кто это...

И обещал заехать через час.

Оксана лихорадочно протерла лицо лосьоном и наложила омолаживающую маску из грязи Мертвого моря. Пятнадцать минут – «на погладить», столько же – на макияж. К маникюру никак не успевает. Ну и ладно, наплету, что обои клеила, решит, что хозяйственная.

Он, похоже, настроился на настоящий роман. Загорски, обеды, премьеры. Наверно, цветочков принесет... Главное – не спугнуть. Подарков не брать, вкусно кормить, замуж ни в коем случае не проситься. Прощупать, просветить, если подойдет – действовать аккуратно.

* * *

Велихов принес букет пахнущих ранней осенью астр.

Он с удовольствием смотрел, как Оксана – одетая в светлое льняное платье – прижимает к себе цветы.

– Мои любимые! – воскликнула она, хотя ее любимыми были тюльпаны. Невинное женское лукавство. – Ты подождешь секунду, я подрежу им ножки? На кухне стоит апельсиновый сок, и лед я только что заморозила...

Андрей прошел в уютную кухню. Не самая супер, но элегантная мебель. Идеально чистая плита – он ненавидел, когда конфорки испачканы жиром. «Уголок» с парой цветастых подушек и раскрытая книга – кажется, кулинарная...

Он достал из стерильно чистого холодильника лед и с удовольствием откинулся на подушку, потягивая свежавыжатый сок.

Оксана осторожно уложила цветы на кухонном столе и прошла в ванную, держа в руках глубокую фарфоровую вазу.

Велихов с удовольствием за ней наблюдал. Ему нравилась аккуратная квартира – и хозяйка, которая так обрадовалась его астрам.

В ванной комнате Оксана заметила, что в дальнем углу подзеркальной полочки сиротливо жмется крем после бритья – «останки» бывшего мужа. «Как я не заметила, когда убирала!» – она быстро запахнула тюбик глубоко под ванную. – Какое счастье, что я наконец отделалась от этого козла! «Хозяин прописки», черти бы его взяли!»

* * *

Андрей Велихов определенно умел планировать свидания.

За полтора часа они долетели до Загорска – уютного подмосковного городка.

Оставили «Вольво» в толпе других машин и через пару минут вместе с другими экскурсантами входили в ворота величественной Троице-Сергиевой лавры. Оксана достала из маленькой сумочки от Нины Риччи легкий газовый шарфик и накинула его на голову.

К вере Оксана спокойно относилась и ходила в церковь лишь на Пасху. Но Андрей, оказывается, не собирался водить ее по храмам. Он подвел свою спутницу к служебному помещению и вызвал обаятельного отца Михаила, который взялся устроить им экскурсию по закрытой для обычных посетителей семинарии. Отец Михаил провел их по учебным помещениям и по семинарскому музею, в котором, кроме них, никого не было. Потом они пообедали в монастырской столовой – угощение состояло из прохладных макарон с солеными помидорами, но еда почему-то показалась Оксане очень вкусной. Особенно под веселые прибаутки отца Михаила, который казался абсолютно мирским человеком со здоровым чувством юмора.

По дороге в Москву Оксана поинтересовалась:

– Этот отец Михаил... Откуда ты его знаешь?

– В школе вместе учились! А после разошлись пути-дорожки, – весело ответил Андрей.

Потом они отправились в консерваторию на концерт Гарри Гродберга. Это зрелище показалось Оксане еще более удивительным, чем приватная экскурсия по духовной семинарии. Она никогда не слышала ничего подобного – органнй концерт под аккомпанемент серебряных колокольчиков и хора мальчиков. Казалось, в зале повисло какое-то мистическое напряжение... Музыке было тесно на сцене, она обволакивала зрителей, поработала их... Овация продолжалась минут двадцать.

Оксана вышла из зала потрясенной.

Но и это было еще не все. Андрей поинтересовался:

– Ты была когда-нибудь в «Кризисе жанра»?

– Это... кафе для панков?

– Да, они там бывают. Но сегодня в «Кризисе» вечеринка банка «Российский кредит». Вход строго по приглашениям. И концерт группы «Несчастный случай».

В «Кризисе жанра» их ждали. Андрею достался самый уютный столик, который стоял чуть в стороне от всеобщего пьяного хаоса. Кафе веселилось. Джин лился рекой. По углам целовались. К Андрею подходили здороваться небритые парни в тертых джинсах.

– Неужели это банкиры? – изумлялась Оксана.

– Именно, Ксюша, именно. Им же тоже надо отдыхать. Но в понедельник утром они побреются и снова переоденутся в строгие костюмы.

Домой они вернулись в третьем часу ночи.

В голове у Оксаны шумело. От ветра, который весь день играл в ее волосах, пока они ездили на машине. От колокольчиков Гарри Гродберга. От громкой музыки «Кризиса жанра». И от джина.

Они вошли в ее квартиру и на минуту замерли – здесь было так тихо... Оксана неловко улыбнулась: «Я сейчас включу музыку». Андрей ее остановил. Он достал компакт-диск Фаусто Папетти: «Саксофон вполне подойдет для продолжения программы».

Программа закончилась в шестом часу утра.

Оксана смотрела на сладко спящего Андрея – его рука лежала у нее на груди – и даже подумать боялась. Подумать о том, что утром он может уйти. Уйти навсегда.

* * *

Роман Оксаны и Андрея стремительно набирал обороты. По крайней мере, Оксане хотелось в это верить. Продолжались и цветы, и развлекательная программа, и секс – то нежный и мягкий, а то – агрессивный и бурный. Андрей умел ухаживать. Но Оксану не покидало чувство, что все это может закончиться. Закончиться скоро и внезапно. В тот момент, когда этого захочет Андрей.

Она почти ничего о нем не знала. Только самые общие сведения. Бизнесмен, директор фирмы – а что за фирма? Он даже названия не сказал, отшутился. Чем он живет – кроме знания всех премьер и хороших ресторанов? Была ли у него семья? Есть ли дети? Друзья? Родственники?

Они частенько сидели вдвоем на уютной Оксаниной кухне, баловались ее кулинарными шедеврами – но Андрей никогда не рассказывал ей ни о чем личном. Говорить о книгах – пожалуйста. О «Титанике», который недавно вышел на экраны, – сколько угодно. Даже о машинах и о сортах пива. Но только не о себе. Он даже телефон рабочий не дал. Только домашний. Одна радость: значит, жены нет.

Оксана никак не могла его *просчитать*. Потому порой сердилась и нервничала.

А ведь она самоуверенно думала, что знает о мужчинах все...

У нее жизнь так сложилась, что ей *пришлось* узнать о мужчинах все...

* * *

В Москве еще шел снег, а в их поселке уже зацвели яблони. Свежезеленые веточки, казалось, хотели ворваться в окно и рассыпаться нежно-белыми цветками прямо по парте.

Оксана давно уже не слушала ни учительницу, ни прыщавого Генку, который битый час не мог решить у доски пустяковый пример. Она придвинулась поближе к открытой форточке. В тысячный, наверно, раз рассмотрела обшарпанный школьный двор с ярко-ржавым турником и рисунками классиков на асфальте. Когда же это наконец кончится! И эта школа, и вся эта

ее жизнь после уроков! Она в последнее время просто возненавидела их одноэтажную хибару с туалетом в конце огорода и скрипучими панцирными кроватями. Ее тошнило от посевных работ на участке – в них папаша вовлекал всю семью, включая семилетнего братика. А потом пойдет эта сраная клубника с ее дурацкими усами, и бесконечное стояние на базаре, и скандалы из-за каждого рубля, который она сунет себе в заначку. Оксана в кафе-то была единственный раз. Что уж говорить о таких глупостях, как новое платье на выпускной вечер! Папаша все копит, голода боится!

Ну ничего, скоро это закончится. Она сдаст дурацкие экзамены, отгуляет выпускной – и тю-тю. Доберется до Ставрополя, сядет в поезд – и только ее и видели. Поступит в институт – на экономиста. Не получится – пробьется в техникум. Или вообще устроится на работу – хоть уборщицей, только подальше отсюда.

Но в глубине души Оксана надеялась, что до мытья полов дело не дойдет, хотя она даже на полы согласна, в столице можно и с такого низа начать. А можно – с работы секретуткой, благо печатает она быстрее всех в классе. Говорят, толковые секретарши карьеру быстро делают! А может, ей все-таки удастся поступить в институт и стать *финансистом*... Никто из их дыры еще не поступал на *финансиста*. В какие-то лесные или энергетические институты поступали, а вот в Плехановский – еще никто. Никто, кроме нее, Оксаны Берзариной!

И тогда у нее появится *своя* квартира и *своя* спальня, и кухня, и кровать. И клубнику она будет покупать на рынке. Тоже станет торговаться и придираться к продавщицам.

– Берзарина, ты, конечно, пример уже решила? – ледяным тоном поинтересовалась учительница.

Оксана с трудом оторвалась от окна и быстро ответила, даже не взглянув в тетрадь:

– Конечно. Ответ – два корня из двух.

Что-что, а считать она умела.

* * *

Папаша устроил целый скандал – не хотел отпускать в Москву. Выпускные закончились – а в июне на участке каждая пара рук дорога. «Вот соберем урожай – и катись куда хочешь! – патетически восклицал он. – А сейчас денег на билет все равно нет».

Мама держала нейтралитет, а маленький братик пытался ее защищать: «Ксана привезет мне из Москвы па-а-аравозик!»

Она в который раз со злостью подумала – наградил же господь семейкой! Ее одноклассников родители «поступали в институт» всем семейством. Некоторые учились на заочных курсах, и предки помогали им решать контрольные. Откладывали деньги на взятки в приемную комиссию. А у них дома – одна долбаная клубника на уме.

Но торговля ягодами ее выручила. Оксана стояла на рынке с восьмого класса, и к концу десятого умудрилась скопить – даже под бдительным оком ненасытного папаша – небольшую сумму. Этих денег как раз должно хватить на билет в плацкартном вагоне. А общежитие абитуриентам, говорят, дают бесплатно.

...В Институт народного хозяйства имени Плеханова решила поступать староста их класса Толкушина. Папа – бухгалтер поссовета, мама – директор магазина. Глупышка Толкушина не раз хвасталась, что у них вся приемная комиссия будет схвачена. Оксана действительно замечала, как толкушинская мамаша ракетой носится по институту и пристаёт ко всем, кто имеет хоть сколько-нибудь преподавательский вид. Только доченька все равно схватила на письменной математике трояк. «Надо срочно документы куда-нибудь перекидывать!» – возбужденно сказала она Оксане.

– Ну и перекидывай, – равнодушно ответила бывшая одноклассница.

– А ты что будешь делать? У тебя и на обратный билет-то нет!

– Зато по математике – пятерка.

Так Оксана нажила первого настоящего врага в своей жизни.

Со временем количество врагов множилось. Провинциалке без копейки за душой ничего не оставалось, как изо всех слабых женских сил работать локтями.

Зато теперь у нее есть квартира в самом что ни на есть престижнейшем районе Москвы. И огромная ванная. И кровать с водяным матрасом. И «девятка».

А еще далеко не вечер.

* * *

Все четверо соседок по комнате паковали чемоданы и поглядывали на Оксану со злобной завистью.

– Ты математику молоденькому сдавала, такому блондинчику в очках? – сладко поинтересовалась Катя из Конотопа.

– Нет, старой гримзе в фиолетовом костюме.

– А на сочинение шпоры протащила?

– Да черта с два, сумки ж отбирали! – начала сердиться Оксана.

– Ну, скажи тогда, как тебе удалось? – заныла Валька из Калуги.

– Ночами сидела! – зло ответила Оксана. – Днем на огороде горбатилась, ночью – долбила математику. А в шесть утра – опять на грядки!

Ее соседки переглянулись – они, конечно, ей не поверили.

Но в институт она действительно поступила честно. Хотя на экзаменах гоняли нещадно, и далеко не только по школьной программе. Хорошо, что она по собственной инициативе прорешала весь задачник для поступающих. И правила по русскому вызубрила так, что даже придиры, проверявшие сочинение, смогли скинуть оценку только до четверки.

Она – в Москве. Она – в институте!

Но Оксана понимала: теперь начнется самое сложное. Зацепиться за Москву, покорить ее. Она готова на все – только бы остаться здесь.

Вступительные экзамены закончились в середине июля. Немногие иногородние из числа поступивших разъехались по домам – побаловаться домашней кухней перед первым годом общежитской жизни. Оксана осталась в Москве. Она без труда устроилась на сезонную работу – продавать клубнику. Уж это-то она умеет.

Оксана поклялась: она продает клубнику в последний раз. Дальше будет – только покупать. Может быть, даже зимой.

* * *

...Оксана почти всегда приходила в институт к первой паре. Не то чтобы ее так волновала учеба – ей просто не нравилось находиться в общаге. Институт был *Москвой*, а общага напоминала ей родительский поселок. Скрипучие кровати, дешевенькие коврики с изображением «Утра в сосновом лесу», чашки с отбитыми ручками. И вечные деревенские проблемы – очередь в душ, склоки из-за занятой конфорки, «аренда» кофточек и колготок. Вавилон какой-то.

Она завидовала москвичкам, которые являлись только на третью пару – выпавшиеся в домашних постелях и румяные от маминых блинчиков с молоком. Это какое же счастье – иметь свой дом в этом огромном, таком безумном и таком чудесном городе!

Оксана влюбилась в Москву с первого взгляда. Она только выпрыгнула из поезда на Курском вокзале, подхватила две свои сумки – и остановилась у вагона. Боже мой! Ее мгновенно опьянил терпкий вокзальный запах, ошеломили толпы носильщиков, одетых в аккуратные форменные тужурки...

Она как в тумане вышла на площадь – и восхищенно уставилась на Садовое кольцо. Десять рядов машин! Огромные дома! Такси. Шоферы. Цыганки. Пассажиры. Москвичи... Все шумит, движется, *живет!*

Потом Оксана открыла для себя старую Москву. Кривые переулки, в которых она так и не научилась ориентироваться. Двухэтажные особнячки Замоскворечья. Роскошные новые кирпичные дома на Малой Бронной. Стремительные линии бульваров... И везде живут люди. Живут москвичи. Неужели бывает такое счастье?

Оксане очень хотелось иметь свой дом. Свой собственный уголок, в который никому нет доступа. Никому, кроме разве что мужа.

Она понимала, что у нее есть единственный шанс остаться в Москве. Ей нужно выйти замуж. За человека с московской пропиской.

* * *

Оксана всегда любила раскладывать проблему на составляющие. Такой математический подход помогал находить верное решение для самой сложной задачи. А задачей было – найти подходящего мужа. Итак, что ей нужно?

В идеале – чтобы был умный, симпатичный, ласковый, непьющий-некурящий, обеспеченный и с квартирой в Москве. Слишком много требований... Значит, будем вычлнять главные. Квартира в Москве – это обязательно. Деньги – хотя бы родительские – тоже. Симпатичный – как получится. Умный – глупый? Пустяки, если что, обучу сама. Пьет-курит? Да пусть себе, ему ж, не мне, помирать от цирроза печени. Ласковый? А вот этого хотелось бы. Так ей надоело быть везде чужой, лишней – что у себя в поселке, что здесь в общежитии...

А что мы можем предложить ему взамен?

Мордочку – раз. Буду за собой следить, глазки подводить, масочки делать. Фигурку – два. Не толстеть, лифчики покупать только хорошие, ножки демонстрировать. Мозги – тоже есть. Если что – и списать дам, и контрольную решу.

Да, пожалуй, все. Негусто. Но и немало.

Уже на первом курсе в нее влюбился москвич Паша из параллельной группы. Точнее, он думал, что влюбился – а «влюбляла» его сама Ксюша. Пашунька был худосочным юношей с черными волосами и очочками под Джона Леннона. Образцовый сын советских инженеров. И даже с квартирой, которая досталась ему в наследство от бабушки. Оксана очень сильно подозревала, что Пашуня был еще мальчиком. По крайней мере, в ночь их первой близости ей пришлось брать инициативу на себя – хотя в интимных делах она еще не особо-то разбиралась. Паша обрушил на нее шквал скопившихся за школьные годы нерастратченных чувств – и немедленно после горячего, по его мнению, секса предложил Оксаночке руку и сердце.

Она просто ушам своим не поверила – неужели все оказалось так просто? Всего-то – прижалась бедром к его тонкой ножке во время лекций, однажды приготовила обед и помогла написать курсовик...

На следующий день они встретились в институте. Оксана с опаской посмотрела на Пашуню – интересно, как он себя поведет?

Он подбежал к ней, подпрыгивая, как резвый щеночек:

– Ксанка, ты не забыла паспорт? Бежим подавать заявление!

Честное слово, она была разочарована... Да разве это добыча? Она нежно ответила:

– Пашенька, милый... Загсы по понедельникам не работают.

Как бы отделаться от него побыстрее? И опять выйти на охоту... Такой легкий трофей ее не устраивал. Она подыщет себе кого-нибудь покруче.

* * *

Оксана разделяла своих однокурсников на три касты – «привилегированную», «московскую» и «деревенскую». К привилегированной относились *детушки*. Благополучные сынки и дочки министерских деятелей, директоров торгов и баз, институтских преподавателей и ученых, партийных функционеров и нарождающихся бизнесменов. К ним отчасти примыкали менее отесанные отпрыски завмагов, завскладов и завтуалетов. Суперджинсы и супергонор! Тусовки по дорогим барам, демонстрация все новых и новых шмоток и бесконечные разговоры об ошеломляющих сексуальных успехах... Держались эти ребята важно и обособленно, на простых смертных смотрели свысока.

Следующую по престижности прослойку составляли просто москвичи – дети обычных врачей и инженеров, которым посчастливилось поступить в Плешку. Эти держались поскромней, джинсы носили попроще, но все равно задирали нос: они – столичные штучки! И это уже немало.

И в самом низу находились такие же, как она, – деревенские. Пугливые жители общаги. Скромники, слетевшиеся в Москву со всех уголков необъятного Союза. Никому здесь не нужные: так и быть, получайте *наше, столичное*, образование и проваливайте обратно по домам...

Многие «деревенские» мечтали перебраться в касту повыше. Хоть сколько-нибудь симпатичные ребята вовсю клеились к страшноморденьким москвичкам – авось влюбится да пропишет. Правда, москвички быстро раскусили этот маневр – они охотно брали презенты и ходили со смазливymi деревенскими в киношку. Но замуж выходили за своих. За москвичей.

А девушки из общаги с радостью соглашались, если москвичи звали их вдруг в бар, а потом везли на «беспредковую» квартиру. Они сразу начинали строить многообещающие планы на будущее – однако после веселой ночи с ними, бывало, больше не здоровались...

Оксана к «мажорам» не клеилась и «девушкой на ночь» быть не желала. До поры до времени она решила держаться скромно. Копить силы и набираться опыта. Учиться ей целых пять лет. За это время она обязательно придумает, как ей стать королевой. Такой королевой, на которой почтет за честь жениться любой, даже самый размажористый мажор.

Оксана записалась в школу современного танца и добросовестно проводила в танцзале по три дня в неделю. Она самостоятельно тренировалась, вырабатывая гордую походку и занимаясь ораторским искусством. На третьем курсе ей удалось попасть в труппу их студенческого театра. Больших ролей не поручали, но Оксана научилась уверенно держаться на сцене и не бояться публики.

Она постоянно подрабатывала. Брала перепечатку и ночами стучала на машинке в рабочей комнате. Писала курсовые и рефераты – всегда находились богатые лентяи, готовые оплатить ее услуги. Даже дворником один семестр проработала – а что, тоже деньги.

Все сбережения она вкладывала в хорошую одежду и дорогую косметику. У нее было единственное вечернее платье – но зато какое, настоящее итальянское! Все девчонки в общежитии пытались его заполучить хоть на вечерок, но Оксана держала платье запертым в чемодане.

И однажды ее время пришло.

...В честь окончания третьего курса в институте планировалась грандиозная вечеринка. С теплыми словами в адрес преподавателей, самодеятельным концертом и дискотекой на закуску. Оксана вызвалась принимать участие в подготовке праздника. Два дня билась, составляя благодарственную речь любимым лекторам и складывая непослушные слова в красивые фразы. Речь получилась на удивление проникновенной и изящной.

– А прочесть сама сможешь? – свысока поинтересовался староста курса Артем.

– Прочту так, что все закачаются! – уверенно сказала Оксана.

– Ну-ну, – снисходительно протянул Артем, оглядев ее с головы до ног.

В день вечеринки она на занятия не пошла. С внутренней дрожью отправилась в «Чародейку» на Калининском и выложила огромные деньги на маникюр, макияж и стрижку с укладкой. На такси вернулась в общагу и целый час разглаживала складочки на своем облегающем серебристом платье. Одевшись, хлебнула для храбрости полстакана болгарской «Танянки» – от вина, она знала, ее глаза блестели особенно ярко – и отправилась в институт.

В фойе столкнулась с Артемом. Тот присвистнул:

– Это ты, что ль, Берзарина? Смотри, в платье не запутайся...

Она молча прошла мимо.

Ее никто не испугает. Она не боится ни сцены, ни публики. И хорошо, что никто в институте пока об этом не знает.

– Твой выход, звезда! – хмыкнул Артем.

Оксана распрямила плечи и походкой от бедра вышла на сцену.

– Дорогие друзья... – хорошо поставленным голосом начала она.

...Когда Оксана закончила свою речь, разразился шквал аплодисментов – разумеется, мужских.

А на дискотеке все мажоры так и вились вокруг нее, поджидая медленный танец.

* * *

Из всех она выбрала Семена. Высокого черноглазого красавца с копной темных душистых волос. С грудой мускулов, соблазнительно выглядывающих из-под не до конца застегнутой рубашки. С папой – каким-то шишкой, чуть ли не начальником главка, в союзном Минторге – и мамой, работавшей в Госплане.

Семен попытался уложить ее в тот же вечер. Оксана нахально сказала:

– Сема, извини, но я хочу проверить свои чувства.

И ушла танцевать со старостой курса.

После страстного танго – Оксане приходилось чуть не волоком вести неумелого партнера, но все равно им все аплодировали – она огляделась. Семена не было видно. «Неужели сорвалось?» – в страхе подумала она.

Герой ее романа появился через полчаса. С огромным букетом роз.

На следующий день они отправились в кафе. Семен был в ударе. Он жадно пил шампанское, сыпал комплиментами и опять звал ее в гости. Оксана внимательно его выслушала. Потом поблагодарила за прекрасный вечер и ушла:

– У нас сегодня репетиция в театре.

Семен попытался не обращать на нее внимания. Оксана ответила тем же – теперь у нее не было недостатка в поклонниках.

Но ничего не было слышно о том, что она с кем-то *спит*.

Однажды Семен не выдержал:

– Берзарина, ты что – фригидная?

Она не смутилась:

– Нет. Я просто не сплю с кем попало.

Семен запил. Он пропускал занятия – или же приходил на лекции с трехдневной щетиной и стойким запахом перегара. Однажды, в стельку пьяный, заявился в общежитие – но она ему даже не открыла. *Пусть деревенские дурочки тебя жалеют!*

Семен, как донесла Оксане общежитская разведка, провел ночь с пустоголовой Милкой из соседней комнаты. А на следующий день он имел наглость появиться в комнате Оксаны и заплетающимся языком сделать ей официальное предложение руки и сердца.

Она внимательно всмотрелась в его горящие глаза – с красными прожилками от огромного количества выпитого – и сказала:

– Извини, Семен, но я пока не хочу выходить замуж. Тем более что у Милы, кажется, гонорей.

Семен ничего не понимал – он же первый красавец на курсе! И первый богач – на машине в институт ездит. И учится нормально, и перспективы у него – он уже знал, что его возьмут экономистом в ресторан «Прага». Чего ж ей надо, этой дуре-бабе?!

А Оксана по ночам лежала без сна на скрипучей общежитской кровати и гадала – не переборщила ли она, «шугая» Семена? Мужчина по своей природе – борец, хищник. Но не надоест ли ему за нее бороться?

* * *

Однажды Семен пригласил ее познакомиться со своими родителями. Они подъехали к его дому – многоэтажному кирпичному зданию, спрятавшемуся в паутине старых московских переулков. Семен был непривычно тих. Оксане показалось, что он боится...

В огромном холле, отделанном карельской березой, их встретила мама. Хрупкая ухоженная женщина с не по-женски стальным взглядом. Она проигнорировала Оксану и удивленно сказала Семену:

– Но мы не собираемся никуда уходить! Не собираешься же ты...

Семен покраснел:

– Я... я... пришел познакомиться тебя с Оксаной...

Мамин голос заледенел. Она по-прежнему не обращала на девушку никакого внимания и обращалась только к сыну:

– Ты хочешь сказать, что эта... мадам беременна?

У Оксаны все поплыло перед глазами. Вот как здесь принято разговаривать! Ну и прием!

Оксана звонко сказала:

– Извини, Семен, я не привыкла вести подобные беседы. Тем более в прихожей. Можешь считать себя свободным.

И вышла, высоко держа голову.

Семен секунду поколебался – он оказался меж двух огней. Между железной мамочкой, которая всех держит в кулаке, и девушкой, которую, как ему казалось, он так любил...

Оксана решительно спускалась по широкой лестнице. Она еле сдерживала слезы. Неужели ее план потерпел крах? Неужели действительно – в Москву ей хода нет? И ее нигде не пустят дальше прихожей?

Семен нагнал ее на втором этаже.

– Оксана, милая! Извини ее! Извини всех нас! Давай поженимся – и будем жить отдельно!

Она заплакала – в первый раз с детских лет.

– За что? За что она меня так?

Семен целовал ее мокрые щеки:

– Милая... Девочка... Я так люблю тебя!

Он чувствовал себя героем. Героем, который выбрал любовь – вместо всех благ, которые предоставляли ему родители.

Через месяц они поженились.

На свадьбе были только однокурсники.

Семья Семена присутствовать отказалась.

Своих родителей из станицы Привольная Ставропольского края Оксана решила не приглашать.

Глава 3

Однажды – это было уже в середине ноября, через три месяца после того, как они познакомились, – Андрей Велихов пригласил Оксану Берзарину в Большой театр.

Они встретились у колонн Большого в половине седьмого.

Оксана была чудо как хороша. Андрей наблюдал за тем, как она идет от метро – чернобровая, блистающая черными глазами, в белой песцовой шубке.

Снег еще не лег, и площадь перед театром казалась особенно темной.

Билетные спекулянты то и дело атаковали ее. Она отрицательно качала головой. Потом заметила Андрея, курящего у колонн, и улыбнулась.

Андрей обрадовался тому, что Оксана без машины: значит, он отвезет ее домой и останется у нее.

Они сдали верхнюю одежду в гардероб и спустились в буфет: оба были после работы. Андрей заказал бутерброды с черной и красной икрой, белорыбичей, два пирожных – он был худ, но поесть любил. Оксане он взял бокал шампанского, а себе чашку крепкого кофе.

– Ты такой правильный водитель, – улыбнулась она, – ГАИ на радость.

– Я никогда не пью.

– Ты алкоголик? – жестко, в лоб спросила она.

Он пожал плечами:

– Просто не нравится.

Но она почувствовала, что он слегка смутился. Значит, сказал неправду? Или – не всю правду? Скорее всего, подумала она, отказ Андрея от выпивки – часть той тайны, которую он носил в себе.

Ничего, скоро она доберется до этой загадки. Ее планы в отношении Андрея были далеко идущими, и она желала знать о нем все.

Места у них были великолепные. Андрей не пожалел денег, поэтому сидели они в первом ряду ложи бельэтажа. Оксана порадовалась: сцену видно как на ладони. К тому же было приятно, что сзади них в тесноте ложи оказалась пара изысканно одетых старичков-иностранцев. Все первое действие Оксана чувствовала, что эти иностранцы смотрят балет *из-за ее спины*. Ее слегка грело злорадное чувство: знай, мол, наших!

Давали «Лебединое озеро» – в новой, сокращенной редакции. Сам автор новой постановки, Борис Васильев, сидел с противоположной стороны, прятался в полумрак ложи. Рядом помещалась его миниатюрная жена.

Оксане постановка понравилась. Она привыкла к черно-белому, скучному и даже устрашающему «Лебединому озеру», которое давали по телевизору в дни державных смертей и переворотов. Но теперь на сцене перед ней разворачивалось искристое, разноцветное, стремительное действие. Оно пленяло, захватывало воображение. Кордебалет лебедей выплывал, как белая эскадра. Народные пляски – их Оксана не помнила в прежней редакции – ослепляли яркостью костюмов. Солисты, Андриенко и Непорожний, совершали эффектные антраша.

А рядом с Оксаной в темноте ложи сидел милый человек, и она слышала запах его одеколona. В конце первого действия Оксана похулиганила: пробежалась пальчиками по ноге Андрея, погладила между ног, и сразу почувствовала, как отозвался, наполняясь, *ее дружок*.

В антракте она вышла, а когда вернулась, Андрей мило беседовал с парочкой старичков-иностранцев. По-английски он говорил, оказывается, в совершенстве, только с сильным американским акцентом.

Оксана сама была в английском далеко не «чайник» – как-никак отучилась два года в Оксфорде. Но с тех пор она почти не имела языковой практики, поэтому еле успевала угнаться мыслью за его быстрой речью.

Андрей опять открывался для нее с неожиданной стороны.

В конце антракта они обменялись с иностранцами визитными карточками. Старичок оказался ни больше ни меньше, как английским пэрмом. Это обстоятельство опять порадовало Оксану. Ведь это ему, иностранцу, аристократу и (наверное) миллионеру приходилось смотреть балет из-за спины Андрея (а не наоборот). Но сей факт, а также беглый английский, которым поразил ее новый любовник, заставили Оксану в очередной раз задуматься: отчего он не сумел достичь большего, кроме руководства небольшой фирмой? «Отчего, – спрашивала она себя, – он, при таких очевидных талантах, не смог – в это благословенное для умных и деловитых людей время – добиться куда более выдающегося положения, которого он, безусловно, заслуживал? В чем дело?»

Он не ценит себя? Способностей своих не знает? Возможностей не понимает?»

Оксана чувствовала, что именно она, с ее умением жить и деловой хваткой, вполне смогла бы вывести этого пентюха в люди. Надо только не спешить, быть осторожной. Не испугнуть его.

А для начала следует исподволь выяснить его тайну. Отчего он в свои тридцать с изрядным хвостиком лет столь неприкаян? Почему одинок, не женат, не обременен детьми и друзьями? Откуда – при таких впечатляющих способностях – столь скромное положение?

Оттого что умен – да не зубаст? Оттого, что способен – но не боец?

Оттого, что слишком честен?

Чистоплюй?

Нет, чувствовала Оксана, в Андрее есть некая (правда, своеобразная) жизненная сила. И ухватистость есть. Но что-то помешало ему сделать впечатляющую карьеру. Надо выяснить, что.

* * *

Люда Барсинская пришла в Большой с подружкой.

Они, как всегда, уселись в темной глубине собственной ложи.

Ложа была арендована мужем на весь сезон.

Сюда Борис Барсинский водил иностранных партнеров.

Русские партнеры Барсинского Большого театра не понимали. Их Боб возил в сауны. Вот и сегодня Боб отправился на конфиденциальную пьянку – ублажать директоров из Тольятти. Так, во всяком случае, он сказал.

Люда давно уже приучила себя не задумываться над тем, что творит муж в тех саунах. Ей очень хотелось отплатить Бобу той же монетой. Но как она могла это сделать? Она круглосуточно под наблюдением охраны. А охранники – настоящие евнухи. Никакого отзыва на все «сигналы», посылаемые Людмилой. Видать, строго инструктированы мужем. И боятся его до смерти.

Сейчас охрана поместилась в предбаннике ложи. Люда предложила им – впрочем, достаточно сухо – составить компанию и посмотреть балет вместе. Те отказались.

Один из охранников был очень даже ничего. Стройный, волоокий, похожий на испанца. Длинные пальцы. Красивые волосатые запястья. При мысли о его руках у Люды начинала кружиться голова. Вот бы соблазнить его. Пусть впопыхах, на скорую руку, где-нибудь в предбаннике ложи, под звук настраиваемых скрипок.

Но ее охрана никогда не ходила по одному. Вот и сейчас «испанец» сидел в предбаннике за бархатной занавеской вместе с какой-то бритой тушей. Пришипелись. Охрана знала правила поведения в театре: не разговаривать, не смеяться, не спать.

Люда Барсинская вытащила из сумочки бинокль и, оставаясь в тени ложи, стала оглядывать публику напротив.

Как все измельчало! Она представила Большой при царском режиме: оголенные плечи дам, блеск бриллиантов, белые пластроны мужчин, черные бабочки. Мундиры, ордена.

А сейчас? Настоящий сброд. Свитера. Джинсы. Мышиные костюмчики. Неумело повязанные галстучки. Женщины – в сапогах, мохеровых кофточках.

Подруга Люды была возбуждена тем, что сидит в просторе собственной ложи, с охраной, в сверкающем Большом: как будто бы она всего этого добилась и за все это платила! Она несла какую-то околесицу. Люда, не слушая ее и не отрываясь от бинокля, едва сдерживала зевок.

И – вдруг! Рука ее, державшая бинокль, дрогнула. Она задержала взгляд на ложе напротив, на один ярус ниже. Неужели это он? Она стала подкручивать резкость.

Да, сомнений быть не могло. Это он. Еще больше похудел. Отрастил бороду. Но его мимика, движения его рук... Он что-то вдохновенно говорил сидящей рядом даме. Дама была черненькой, полноватой. Платье на ней выглядело достаточно дорогим – но, конечно, не столь дорогим, как «маленькое черное платье» на самой Люде.

Кто она ему? Новая жена? Нет, жену он не стал бы так самозабвенно развлекать. Любовница? Скорей всего. Но почему он в Москве? Он же должен был уехать в Америку. Сгинуть там.

Дама рядом с *ним* расхохоталась. Конечно, это любовница. Укол ревности пронзил ее сердце.

Она не может видеть этого.

Люда опустила бинокль. Померк свет блистающих лож. Люстры, казалось, почернели. Внезапно она почувствовала себя глубоко, катастрофически несчастной. К горлу подступала тошнота. Она ощущала себя как в детстве: несчастной, брошенной всеми, самой одинокой на свете.

Люда резко встала. Подруга прервалась на полуслове.

– Прости меня, – резко сказала Люда. – Я ужасно себя чувствую. Оставайся, я пришлю за тобой машину. Отвезет куда скажешь.

Подруга опешила.

Люда погладила ее по плечу:

– Не обижайся, ты тут ни при чем.

Люда откинула бархатную занавеску, отделяющую предбанник, и бросила, ни к кому не обращаясь:

– Я еду домой.

Охранники послушно встали.

* * *

Оксана вдруг почувствовала, как напрягся сидящий рядом Андрей. Он откинулся на бархатную спинку кресла, даже вдавился спиной в нее. Его глаза были устремлены в одну точку.

Украдкой Оксана проследила за его взглядом. Взгляд Велихова был устремлен на одну из полупустых лож напротив. В ней находились две женщины. Одна из них, одетая в маленькое черное, чрезвычайно простое (и поэтому очень дорогое) платье, вдруг порывисто встала и вышла вон из ложи.

Велихов, внезапно побелевший, прошептал сам себе:

– Ничего... Просто показалось...

Оксана не стала спрашивать его, что случилось.

Похоже, женщина напротив имела какое-то отношение к его тайне.

* * *

Пока Берзарина с Велиховым были в театре, выпал снег. Это был первый снег в году. Не хотелось думать, что теперь он пролежит месяцев пять, что впереди долгая, долгая московская зима.

Напротив, Оксана радовалась, словно девочка, первому снегу. Тому, что он укрыл промерзлую землю. Казалось, он знаменует наступление новой жизни.

Снег осветил Театральную площадь. В лучах прожекторов, будто на сцене, сияла врублевская мозаика на «Метрополе».

В толпе расходящихся со спектакля зрителей, в основном иностранцев, Оксана Берзарина вдруг на минуту почувствовала себя частью международного общества. Богатой, эффектной дамой. Той, какой судьба предназначила ей быть – и только по колоссальному недоразумению заставила появиться на свет в хате ставропольской станицы с нужником во дворе. И Оксана вдруг впервые почувствовала, что детские мечты ее – о высшем свете, о замках, о принцах – могут стать реальностью. Она способна добиться своего. Она покорит мир. Ведь она сумела покорить столицу.

И еще ей почему-то казалось, что сделает она это с помощью Андрея. Или – используя его.

Она взяла Андрея под руку и доверчиво прижалась к его плечу.

Иностранцы зябко семенили в своих туфельках к автобусам.

Мимо опустелого ЦУМа, по тихому и темному Кузнецкому мосту Андрей и Оксана пошли к машине, которую он оставил на ближайшей бесплатной парковке – возле Архитектурного института. По пути, сделав небольшой крюк, в круглосуточном гастрономе «Седьмой континент» на Лубянке они купили бутылку белого французского вина, копченого угря и пирожных. Вернулись к машине. В переулке было темно и тихо. Все авто давно разъехались. Они уселись, Андрей завел мотор и счистил «дворниками» нападавший снег. Оксана зябко ежилась во тьме салона. Андрей включил печку и развернулся.

Он вел мастерски: спокойно и уверенно. Чувствовалось, что ему хочется запустить могучую машину во всю мощь, но приходилось сдерживаться – ночью в пятницу на улицах Москвы полно гаишников. Оксана положила руку ему на плечо и гладила затылок. На светофоре в конце Калининского проспекта они принялись целоваться. Поцелуй был долгим. Давно зажегся зеленый свет, а они все не могли оторваться друг от друга.

Из объятий их вырвал телефонный звонок. Звонил мобильный у Андрея. Андрей сухо поздоровался и долго слушал, как что-то говорит ему невидимый собеседник. Оксана отвернулась к окну и смотрела, как пролетают мимо огни ночного Кутузовского.

– Продолжайте, – отрывисто бросил Андрей в конце разговора. Потом перебил: – Я помню, сколько это стоит. Я сказал: продолжайте.

После этого звонка Андрей замкнулся, замолчал.

Вскоре они приехали.

Оксана жила в том же могучем доме на Кутузовском, где когда-то были квартиры Брежнева и Черненко.

С трудом они нашли во дворе место для парковки.

В подъезде сидела консьержка. Она как-то странно посмотрела на Оксану с Андреем, поздоровалась, но ничего не сказала.

Оксана отворила дверь своей квартиры. Тени огромной прихожей обступили их.

Она щелкнула выключателем:

– Ах, черт, забыла, что лампочка перегорела...

Оксана на ощупь пошла к зеркалу, к выключателю настенного бра и замерла.

Из-под плотно закрытой двери, ведущей из прихожей в комнату, пробивалась полоска света.

* * *

На скорости 160, с мигалкой, кортеж Людмилы Барсинской пронесся по тихому Кутузовскому проспекту, а затем по Рублевскому шоссе.

В особняке они были через полчаса.

Боб еще, конечно, не приехал.

Охрана привычно бегло осмотрела комнаты.

У Люды было большое искушение попросить охранника-«испанца» задержаться.

Боже, почему она так несчастна? Андрей от нее убежал. Боб не спит с ней вот уже целую вечность. Вечера, а порой и ночи он проводит неизвестно где. Свою секретутку, развратную Наташку, он возил – она точно знает – в Ниццу. А кого он еще трахает?

Да всех, кроме нее!

Людмила любовалась скупыми движениями охранника-«испанца», который мягко, по-кошачьи двигаясь, осматривал комнату.

Попросить его разжечь камин? А завтра он – или его напарник – обо всем доложит Бобу. Она проглотила слова, уже готовые сорваться с языка. Сухо сказала:

– Ступайте к себе. Вы мне больше не нужны.

Охрана отправилась в свой дом над гаражом.

Люда Барсинская заперлась в своем кабинете. Включила огромный телевизор.

Подошла к бару, налила себе бокал мартини, набросала льда.

Из тайничка под подушкой кресла достала пару таблеток. Запила добрым глотком мартини. Тяжело опустилась на кожаный диван.

Скоро, совсем скоро придет блаженство. А потом... А потом – суп с котом.

Она засмеялась. Суп с котом...

Пусть мне будет хуже.

* * *

Оксана решительно распахнула дверь, ведущую из прихожей в гостиную.

Большая комната вся была залита светом. Горела люстра под потолком, на полную яркость светили два торшера, даже бра над кожаным черным диваном было включено.

А посреди комнаты в кожаном кресле спал мужик. У ног его валялась пустая бутылка из-под виски «Ред Лейбел» и стакан. На журнальном столике таял в железном ведерке лед.

Незванный гость спал, не сняв плаща и давно не чищенных ботинок.

– Это кто? – тихо спросил Андрей.

– Мой муж. Бывший муж, – вздохнула Оксана.

– Какого черта он здесь делает?

– Заглянул на огонек, – усмехнулась она.

– У него есть ключ?

– Остался.

– Этот? – На журнальном столике валялась связка ключей.

– Да.

Андрей подошел к столу и сунул ключи в карман своей куртки.

– Кто остается – я или он?

Оксана чувствовала, как он напряжен, почти сердит.

– Конечно, ты.

Она чуть промедлила с ответом и пожурила себя за эту нерешительность. Хорошая возможность избавиться от бывшего муженька. Быть может, теперь навсегда.

Андрей удовлетворенно кивнул, подошел к креслу и рывком поднял пьяницу.

Тот замычал, но зенки свои не открыл.

Андрей проволочил его по комнате, вытащил в коридор. Там он отвесил гостю две пощечины. (Оксана вся сжалась от резких ударов, но осталась на месте.) Пьяница приоткрыл глаза, проревел что-то и попытался вырваться. Андрей схватил его за волосы и уставился ему прямо в глаза.

– Б-больна-а! – замычал муженек.

– Слушай, ты, – спокойно и очень жестко сказал Андрей, глядя ему прямо в зрачки, – если ты еще раз здесь появишься – я вышвырну тебя уже с балкона. Понял?

Он ласково – казалось со стороны – заломил незваному гостю кисть.

– Ты понял? – повторил Андрей.

– Да-а! – заорал тот.

– Тогда пошел отсюда!

Андрей развернул мужа лицом к двери, растворил ее и ударил его ногой ниже спины. Гость выкатился на лестницу.

Андрей захлопнул за ним дверь.

Оксана стояла ни жива ни мертва. Сердце ее рванулось к мужу. К этому любимцу, паскуднику, пьянице, красавцу: к тому, кто околдовал и извел ее.

Но она, закусив губу, осталась на месте.

Она понимала: это – момент истины. Если она побежит к мужу – в очередной, миллионный раз помчится его спасать, – Андрей (она знала это наверняка) развернется и уйдет. Уйдет навсегда.

Она не могла допустить этого. Поэтому она отвернулась и изо всех сил зажмурилась. Крепко сжала кулаки. Длинные ее ногти больно, очень больно впились в ладони.

«Проклятые мужики... Два самца... Самку делят... Зачем им обязательно доказывать свое превосходство?! Тоже, герой, справился с пьяным!..»

Эти бессвязные мысли – такие же, как колючие снежинки за холодным окном, – вихрем пронеслись в ее голове.

Она дотронулась лбом до холодного стекла и чуть слышно простонала. А потом подумала, уже спокойней: «А может, это к лучшему? Может, Андрей отвадит этого алкоголика шляться сюда?»

Оксана с ужасом ждала, что в дверь зазвонят или забарабанят – и опять разборка, крики, драка... Но было тихо. «Все алкоголики – трусы, – вздохнула она про себя. – Была б я одна – вот тогда бы этот мерзкий красавец, когда-то любимый до черноты в глазах, над мною покуражился!»

Оксана медленно обернулась к Андрею. (За дверью по-прежнему было тихо.) Андрей в прихожей расшнуровывал ботинки. Его руки слегка подрагивали.

Она молча смотрела на него. Он распрямился. Лицо его было как никогда бледным.

– Правильно сделал, – прошептала она.

Андрей вымученно улыбнулся.

– Знаешь что, милая, – проговорил он сиплым после пережитого стресса голосом, – плесни-ка мне водочки. Если *твой бывший* не все там в баре вылакал.

* * *

Эту ночь они провели без сна. И говорили, говорили...

Она, эта ноябрьская ночь, сблизила их сильнее, чем все предыдущие три месяца знакомства.

Они уселись, по московской привычке, на кухне. Оксана включила уютный свет над столом. Порезала купленного в супермаркете копченого угря (он оказался невкусным, словно сделанным из ваты), быстренько настрогала колбасы и сыра – она была хорошей хозяйкой.

Пили водку. Оксана впервые видела, как Андрей пьет крепкие напитки. Захмелел он быстро. «Не хватало мне еще одного алкоголика», – с ужасом подумала она. Но Андрей хорошо владел собой.

Когда стресс отпустил его, он потянулся к ней. Она не сопротивлялась. Он овладел ею тут же, на кухне, и как-то по-новому, с хозяйской силой. Вошел в нее сзади – мощно, как победитель. Долго, почти грубо терзал ее. Она кричала, не стесняясь, изо всех сил сжав веки – тихий кухонный свет казался нестерпимым. Потом он долго и яростно кончал, вцепившись в ее бедра.

Такая любовь ошеломила ее. Ей она понравилась больше, чем обычные долгие вдумчивые ласки Андрея. Этот секс напоминал такую сладкую грубую любовь ее вечно полупьяного муженька. За это она так долго любила и прощала его. (В последние годы их совместной жизни сил на любовь у того, впрочем, почти не оставалось.)

Мягко оттолкнув Андрея, Оксана убежала в ванную. Долго плескалась, потом убирала макияж.

В шелковом халатике на голое тело вышла на кухню.

И сразу поняла: что-то случилось.

* * *

Она оставляла Андрея мягким, успокоенным, умиротворенным.

Теперь он сидел весь напряженный, скованный. Взгляд его был устремлен на экран телевизора, а лицо искажала злоба. Беспредельная ненависть отражалась на его лице.

Она подошла к нему и ласково погладила по встрепанной голове, искоса взглядывая на экран. Было похоже: то, что вызвало его злость, происходило там, внутри телевизора.

На экране в прямом эфире телекомпании CNN на средненьком английском давал интервью известный всей России магнат, миллионер и олигарх Борис Барсинский. Его тонкие губы выталкивали английские слова. Сухие и определенные черты молодого лица выражали сознание собственной значимости и полное довольство собой. Белокурая шевелюра была тщательно прилизана, открывая высокий, начинающий лысеть лоб. Голубые глаза смотрели на заморского корреспондента ласково, почти радушно, однако любой внимательный наблюдатель понимал, что глаза эти принадлежат человеку жесткому, хитрому и властному.

Оксана была изумлена реакцией Андрея.

Олигарх Борис Барсинский занимал в общественном сознании отнюдь не ту демоническую роль, которую прочно оккупировал другой властный миллионер, Борис Березовский. Барсинский, кроме того, был вовсе не отталкивающим внешне, как иные российские капиталисты: Смоленский, Гусинский, Фридман... К Барсинскому, при всей ненависти российского народа к богатым людям вообще – а тем более к людям очень богатым, – относились в обществе скорее со знаком «плюс». Причины тому были не слишком отчетливы. Возможно, свою роль в этом сыграла дружба Барсинского с артистами эстрады и кино. Он то и дело появлялся на экране «ящика» вместе с Олегом Янковским, Роланом Быковым, Никитой Михалковым. Сама Алла Пугачева постоянно подчеркивала в интервью дружеские чувства, кои она питает к Барсинскому, и благодарила его за постоянную помощь ей и Филиппу. (Одно время народная молва записывала Барсинского даже в любовники Примадонне – при том, что она была старше его лет на пятнадцать.) Когда в столицу жаловали знаменитые иностранцы – Роберт де Ниро,

Чак Норрис, Джулия Ормонд и прочие, – они всенепременно появлялись на публике рядом с Барсинским. Отчего-то именно это звездное окружение замечал обыкновенный российский люд, а отнюдь не то, что Барсинский, как и другие олигархи, имел свой банк, огромную нефтяную компанию, а также два собственных телеканала (центральный и дециметровый), мощную фирму по продаже автомобилей и лесоперерабатывающий комплекс в Сибири. Ну, и по мелочи: сеть супермаркетов в Москве, пару казино, фешенебельный ночной клуб, рекламную, продюсерскую и туристические компании.

Оксана имела представление о подлинных масштабах империи Барсинского – оттого, что ее компания вела кое-какие дела со структурами, ему подконтрольными. Однако ей он, равно как и большинству российского народа, казался (единственным из магнатов!) скорее симпатичным, чем наоборот. У нее ровным счетом не было никаких оснований не любить Бориса Барсинского. Тем более с такой неадекватной силой, которую продемонстрировал Андрей при появлении на экране довольно-таки милого олигарха.

– Что ты, мое серденько, – ласково сказала Оксана и поцеловала Андрея в макушку.

Он отстранил ее. Она села на стул напротив него. В его глазах блестели слезы.

– Он отнял у меня все, – хриплым голосом проговорил ее любовник.

Оксана поразилась: ненависть, которой дышало обыкновенно спокойное лицо Андрея, была, казалось, беспредельной.

* * *

Судьба Андрея Велихова чем-то напоминала историю Оксаны Берзариной: провинциал, прибывший в Москву на учебу, покорила столицу.

Правда, его провинция была куда менее провинциальной, чем Оксанина: Андрей приехал из Калинина (до 1931-го и после 1990-го года – Твери), откуда до Москвы было три часа езды на электричке.

К тому же Велихов в отличие от Оксаны не делал карьеру благодаря связям с лицами противоположного пола. А также вообще не делал карьеру.

Андрею и в Калининском было неплохо. Папа его был главным энергетиком на крупном вагоностроительном заводе. Мама возглавляла кафедру иностранного языка в местном пединституте. В 1981 году, по настоянию и при деятельной поддержке отца, Велихов поступил в Московский имени Ленина и ордена Ленина электротехнический институт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.